

АЛЕКСАНДРА МИРОНОВА

Иногда
любовь — это
не сказка.
А выбор.

НА ИСХОДЕ

февраля

Сможет ли Золушка
быть счастлива с принцем во дворце?

Александра Миронова

На исходе февраля

«Автор»

2026

Миронова А. В.

На исходе февраля / А. В. Миронова — «Автор», 2026

Марина живет, как и миллионы женщин. Две работы, постоянная усталость и единственное желание — дать дочери шанс на будущее. На себя у нее давно не осталось ни времени, ни сил, но она не теряет способности радоваться мелочам и верит, что однажды всё изменится. И однажды действительно меняется всё. Неожиданное наследство открывает перед Мариной двери в мир, о котором она раньше могла только мечтать. Квартиры, загородный дом, деньги, свобода от постоянной борьбы за выживание. И мужчина, словно сошедший со страниц сказки. Теперь перед ней новая реальность, в которой можно позволить себе многое. Но можно ли в ней остаться собой? Иногда сказка становится явью. Но сможет ли Золушка быть счастлива с принцем во дворце?

© Миронова А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александра Миронова

На исходе февраля

Глава

Александра Миронова
На исходе февраля

Тонкая дрожащая игла впиалась в измученный мозг. Первым порывом было вскочить, не дожидаясь, пока зазвонит следующий будильник, заведенный на всякий случай и задвинутый в дальний угол. Чтоб наверняка. На исходе зимы вставать было тяжело. Сказывалось отсутствие солнца, витамина Д и мелких радостей вроде набухающих почек, набирающей изумрудность зелени и первого щебетания птах Божьих, неизменно наполнявших ее радостью и оптимизмом.

Не открывая глаз, Марина села на диване, стараясь удержать от скрипа разболтавшиеся пружины. Усилием воли заставила себя вспомнить, что первой на пол следует опустить правую ногу. Подумано – сделано. На ощупь нашла старые растоптанные тапки, погрузила в них ноги. Посидев несколько секунд, решительно отбросила одеяло и встала. Стараясь не шаркать, двинулась в кухню, по пути с трудом разлепляя глаза и пытаясь сфокусироваться на окружающем мире.

Сознание потихоньку возвращалось. Понедельник. День вовсе не тяжелый, обычный, начало рабочей недели. Придерживаясь за стены, чтобы не упасть, она бесшумно прокралась мимо комнаты дочери (пусть поспит. Такая уставшая и бледная в последнее время – смотреть страшно!). Зашла в крошечную уютную кухню и осторожно прикрыла за собой дверь. Включила старенький чайник и достала из ящика банку с растворимым кофе. Запасы истощились: содержимого хватит только на утреннюю чашку. Но она дождется акции и тогда уже купит новый, зачем тратить деньги почему зря? Лучше Кирусе гранат прикупит. Или сока какого.

В ожидании, пока чайник вскипит, Марина умыла лицо холодной водой и энергично растерла его небольшим пушистым полотенцем, аккуратно свернутым возле раковины. Кожу немедленно стянуло и защипало, но она проигнорировала возрастные сигналы организма. Обойдется без лишних телодвижений и похода в ванную за кремом, а то дочь разбудит. В конце концов, нет никакой разницы в том, когда нанести на лицо чудодейственный крем «Ромашка», купленный в небольшом магазинчике под домом. Толку от него все равно будет мало.

Залив кипятком ложку растворимого напитка, она сделала первый, самый сладкий, глоток и, окончательно проснувшись, открыла холодильник. Настроение потихоньку расцветивалось радужными красками. Все не так плохо, как могло показаться со стороны, реши сторонний беспристрастный наблюдатель строго взглянуть на жизнь Марины и Киры Бердник.

Наверное, он пришел бы в ужас от старой квартиры, давно требующей ремонта, которую уже не спасали чистые полы, окна без единого пятнышка и уютные мелочи. От полупустого холодильника с набором самых дешевых продуктов: яйца, маргарин, куриные грудки, две пачки творога и пучок зелени. От растоптанных тапок Марины, на подошве которых уже начинала расплзаться дыра. Но это все мелочи, ведь, безусловно, было и хорошее, что этот наблюдатель, возможно, проигнорировал бы, но о чем знала сама Марина и что грело ей душу.

Сгущенки почти полная банка, и сегодня утром она даже могла пошиковать и добавить в кофе вместо одной ложки – две. Небольшая своеобразная компенсация за зарядив-

ший за окном мелкий дождик, превративший покрытые льдом тротуары в настоящий каток. Ну ничего, выйдет пораньше и постарается идти осторожнее. А чтобы не упасть, наклеит на подошву лейкопластырь. Вчера она урвала целую коробку, которую Зоя собиралась списать, но в последний момент предложила Марине. Повезло.

Марина тщательно размешала две ложечки сгущенки в кофе и, зажмурившись от удовольствия, сделала несколько мелких глотков. Затем, оставив чашку в сторону, вылила остатки кипятка из чайника в кастрюлю, включила огонь и, дождавшись, пока вода еще раз закипит, добавила туда тщательно промытый рис. Уменьшила огонь, отодвинула в сторону несколько небольших горшочков с травами и присела на подоконник, уставившись в окно на унылый пейзаж, которому, впрочем, желтый свет уличного фонаря придавал флер романтизма.

Двор дома, в котором Марина жила, сколько себя помнила, был абсолютно пуст: в это время нормальные люди еще спят. Несчастные собачники покажутся не раньше шести. Поэтому сейчас все огромное пространство перед старой пятиэтажкой, уставленное машинами и покрытыми снегом чахлыми кустами, принадлежало ей одной. Можно было представлять в свое удовольствие, как бы она здесь все организовала, будь ее воля. Какие бы деревья и цветы посадила на месте парковок и в какие яркие цвета разукрасила бы стены облезлых домов. Без сомнения, ее двор стал бы образцовым, и люди со всего города стекались бы к ней перенять опыт.

Представленная картина настолько увлекла, что Марина чуть не пропустила время, когда рис дошел до нужной кондиции. Сняв кастрюлю с плиты, она ловко укутала ее в банное полотенце и все так же, крадучись, вернулась в свою комнату и положила кастрюлю под подушку, прикрыв ее сверху одеялом. Так дольше сохранится тепло. Кируся встанет через час, поест тепленькое, зарядится нужными калориями и отправится на тренировку. А у нее, Марины, свои дела.

Спустя двадцать минут, быстро приняв душ, одевшись в приготовленные еще с вечера брюки со свитером и накинув старый пуховик, не промокающий даже в проливной дождь, Марина вышла на улицу. Остановилась на пороге подъезда, аккуратно придержала дверь (та жутко гроыхала и, наверняка, причиняла массу неудобств соседям на первом этаже) и сделала глубокий вдох. Несмотря на гололед и дождь, уже перешедший в мокрый снег, в воздухе пахло весной. Осталось продержаться совсем чуть-чуть, и наступит любимое время года.

Приободренная этой мыслью Марина потихоньку засемила к автобусной остановке. Предчувствия ее не обманули: день действительно вырисовывался удачный. Автобус подошел практически сразу и оказался полупустым. Ее любимое место над задним колесом возле печки оказалось свободным, и Марина почувствовала себя абсолютно счастливой. Взгромоздившись на потертое, местами порезанное неосознательными гражданами мягкое сидение и устроившись поудобнее, Марина достала книгу, которую уже три дня не могла дочитать – недорогой дамский роман в мягкой обложке – и погрузилась в волшебный мир британской аристократии, в чьей жизни бушевали нешуточные страсти.

Автор умело подводил героев к последней черте, и Марина даже пару раз украдкой смахнула слезы. Последнюю страницу она закончила как раз перед тем, как автобус остановился на нужной ей остановке «Приусадебная».

Она была единственной, кто поспешил на выход. Местные обитатели предпочитали ездить на собственных автомобилях. И ей снова повезло: за время поездки дождь прекратился, и сквозь рваные тучи робко начало проглядывать зимнее солнце.

Много лет назад «Приусадебная» была обыкновенным дачным пригородом, но затем какой-то предприимчивый делец построил здесь первый коттеджный городок, вокруг которого ему удалось создать элитную инфраструктуру. Словно почки по весне, здесь буквально за ночь

вырастали и открывались самые дорогие в городе рестораны, салоны красоты, бутики и все, о чем только могли мечтать состоятельные люди.

Марине здесь очень нравилось, иногда она даже специально приезжала чуть раньше, чтобы медленно пройти до нужной ей улицы и поглазеть по сторонам на красивые дома с аккуратными нарядными лужайками, выглядевшими словно декорации к иностранному сериалу. Один раз она даже украдкой попробовала траву (настоящая ли?), уж слишком идеально та выглядела. Ей нравились высокие солидные заборы, увитые плющом или розами, кованые ворота и выглядывавшие из-за них скромные домики для охраны или гостей. Ей безумно нравилась эта атмосфера богатства. Она с удовольствием вдыхала ее, как учили многочисленные гуру эзотерики, и представляла, как в один прекрасный день они с Кирусей купят здесь дом, снесут высокий забор и разобьют клумбы с умопомрачительными розами и гортензиями на радость всем окружающим.

Этот день обязательно наступит, в этом Марина даже не сомневалась – она верила в свою дочь. А пока она не испытывала ни малейшей зависти к тем, кто сейчас обитал за высокими заборами. Ведь если заборы настолько высоки, значит, их обладателям есть что скрывать и чего бояться. В отличие от них Марина запирала входную дверь только на ночь, считая, что если будет доверять окружающему миру, то и он будет относиться к ней с доверием. Да и брать у них с Кирой было нечего. Разве что старые тапки и банку сгущенки. При мысли о последней Марина хихикнула, окончательно приходя в прекрасное расположение духа.

Перед тем как позвонить в ворота особняка, украшенные затейливыми вензелями и кованой цифрой «шесть», она осмотрела руки и порадовалась: от пятен не осталось ни следа. Крем, который ей посоветовала Валентина, действительно оказал чудодейственный эффект. Чтобы его раздобыть, подруга даже отправилась к очередному влюбленному в нее дерматологу. При мысли о Валентине и ее бесконечных романах Марина снова широко улыбнулась. Так с улыбкой на лице она и позвонила в небольшой звоночек, спрятанный под вензелем, и бросила взгляд на часы – успела!

Спустя несколько минут дверь открыла Галя, мимолетно приветливо улыбнулась Марине и тут же шепнула:

– Хозяйка тебя ждет.

Марина нахмурилась. Изысканная и тонкая Ксения Львовна крайне редко общалась с персоналом – все указания передавала через экономку Галину. Утренние предчувствия не обманули Марину: сегодняшний день действительно отличался от всех остальных.

– Сегодня играть не будем, – коротко бросил Борис Георгиевич, едва запыхавшаяся Кира приблизилась к нему, сделав традиционные двадцать кругов вокруг корта.

Несколько раз поскользнулась и чуть не упала на мокрой пожухлой траве, но устояла, чем заслужила короткий кивок одобрения со стороны Бориса. Ей было жарко, но куртку снимать нельзя: она защищала от дождя, припустившего с новой силой. Кира остановилась и, пытаясь восстановить дыхание, уставилась на тренера.

– На тренажеры, – тот кивнул в сторону поржавевших монстров, которые несколько лет назад некий бизнесмен установил неподалеку от детской площадки в тщетной попытке выиграть муниципальные выборы.

– А потом пойдем в зал и будем набивать. Прошлая игра была говном.

Кира опустила глаза и затаила дыхание. Прошлый матч она впервые за долгое время проиграла Анне Середе, восходящей звезде тенниса и ее основной конкурентке. Анна олицетворяла собой все то, чего была лишена Кира.

Единственная дочь состоятельных родителей, все каникулы проводившая в специализированных лагерях за границей и четыре раза в год катающаяся в качестве зрителя на турниры Большого Шлема. В этих путешествиях ее неизменно сопровождала мать, роскошная Карина Матвеевна, и директор крупнейшей в городе теннисной академии, в последствии разбиравший с Аней каждую игру и затем лично наставлявший тренеров, чтобы те отрабатывали с Анной увиденное.

Анна была рождена звездой. Несмотря на юный возраст, в кармане у нее уже лежало несколько лакомых рекламных контрактов. Еще бы, увидев девушку на билборде невозможно было остаться равнодушным: всем немедленно хотелось стать похожей на нее.

Стройная, высокая, идеально сложенная натуральная блондинка, всегда восхитительно одетая в короткие юбки и специальные футболки, регулировавшие температуру ее тела во время игры. Рядом с невысокой тщедушной брюнеткой Кирой, выступавшей в обычной футболке и растянутых спортивных штанах, купленных на рынке, она смотрелась как принцесса рядом с нищей. И рядом с Аней Кира всегда очень остро ощущала собственную ущербность, что немедленно наполняло ее злостью, как сосуд – водой, и заставляло биться до последнего мяча и выигрывать поединки. Но не в этот раз. Что-то пошло не так, и тренеру не терпелось узнать, что именно.

Пока Кира подтягивалась на ржавом турнике, Борис Георгиевич, которого Кира с матерью между собой прозвали Борисом (с ударением на первый слог) за его удивительное внешнее сходство с Борисом Беккером, перекрикивая дождь, объяснял ее ошибки. Спокойно и рассудительно. Кира не осмеливалась перебивать или перечить. Закусив губу, она превозмогала собственную слабость и продолжала подтягиваться, стараясь не упустить ни слова из сказанного. Пожалуй, единственный человек, которого она безмерно уважала и даже немного побаивалась, был ее тренер.

Это Борис привел ее в спорт. В прошлом известный теннисист, подававший огромные надежды и даже добиравшийся до полуфиналов престижнейших мировых турниров, он неожиданно ушел из спорта, закрылся от внешнего мира и, словно наказывая себя за что-то, ушел работать простым учителем физкультуры в школу, куда ходила Кира. Казалось, что работа с детьми стала для него своеобразной епитимьей.

Вначале работа казалась ему тупой и бесперспективной. Одна половина учеников прикрывалась справками от врача, чтобы не ходить на уроки, вторая бесконечно ныла и жаловалась, не в силах отжаться несколько раз. Современные дети тратили энергию не во дворах, а за гаджетами: виртуальный мир был куда более интересней реальности, и это приводило Бориса в отчаяние.

Наверное, поэтому Кира и привлекла его внимание. У ее матери, замученной бытом, работой и жизненной неустроенностью молодой женщины, просто не было средств ни на липовые справки, ни на гаджеты. Поэтому Кира ходила на уроки физкультуры. Решив немного разнообразить школьную программу, Борис попробовал дать детям несколько уроков тенниса и, увидев силу, ярость, точность и страсть, с которой крошечная Кира принялась бить по зеленому мячику, Борис неожиданно увидел в ней себя.

В тот же день он переговорил с матерью, ошарашив ее тем, что у дочери есть видимые способности в виде спорта, о котором та только слышала, да и то краем уха. Детское время было упущено: Кире вот-вот должно было исполниться девять – возраст, когда многие теннисисты уже начинают играть юниорские матчи. Но Борис закрыл на это глаза, неожиданно почувствовав знакомый спортивный зуд и азарт. Может быть, эта девочка и есть то, ради чего ему пришлось уйти из большого спорта? Чтобы привести туда Киру Бердник?

Решение он принял молниеносно. Он лично начнет заниматься с девочкой и приведет ее в нужную форму в кратчайшие сроки. Но он будет суров и беспощаден, о чем и объявил ее

матери, красноречиво намекнув на то, что спорт может стать для Киры единственным шансом на красивую жизнь.

Побледневшая Марина попросила у него вечер на раздумье. Ночь провела без сна. Ее девочка и большой спорт? Эта мысль даже не приходила ей в голову. Кира была подвижным и энергичным ребенком, но сколько таких бегают на улице? Да, дочь была упряма и работоспособна, но Марина мечтала совсем о другом будущем, надеясь, что дочь закончит университет, выберет благородную профессию по душе вроде врача или программиста и всегда сможет заработать копейку. А теннис? Марина знала о нем только то, что это очень дорогой вид спорта. А откуда у нее деньги? Но в то же время мысль о загубленном будущем ребенка из-за неспособности найти нужные средства вызывала слезы на глазах и невольно заставляла задуматься о собственной неудавшейся жизни. Ту ночь она провела в слезах, так и не придя к определенному выводу или решению.

Все решила сама Кира, утром пришедшая в зал, где ютилась мать, и тихо сказавшая, что хочет попробовать и сделает все возможное, чтобы ее учеба не пострадала. Марина с трудом сдержала слезы, услышав от крошечной девочки вполне взрослые речи, и кивнула. Они попробуют, а дальше будь что будет.

Конечно, она не сказала этого Кире, но в голове лихорадочно крутился лишь один вопрос: «Где взять на все деньги?» Словно прочитав ее мысли, Борис решительно заявил Марине, что станет заниматься с ее дочерью бесплатно в счет будущих гонораров, в которые он железобетонно верил. Кира была его креатурой, в ней он попытается реализовать все то, что не удалось ему самому. И поэтому он с самого начала был к ней беспощаден. Девочка к этому привыкла и смирилась. Знала, что самое главное – не перечить.

Разобрав по косточкам ее игру и отметив все ошибки, Борис устался на Киру. Дождь прекратился, и в наступившей тишине тренер явно ждал ответа от воспитанницы.

– Я не... – Кира чуть было не сорвалась, повиснув на скользком турнике и чувствуя, что силы ушли. Но Борису нельзя было об этом говорить, иначе прибавит еще десять упражнений. Сцепив зубы она подтянулась еще два раза и спрыгнула на землю.

– Ты не что? – принялся сверлить он ее взглядом, сбрасывая с головы капюшон.

– Я не расслышала, – тут же исправилась и соврала Кира, улыбнулась тренеру, не рассчитывая на ответную улыбку, – может в спортзале еще раз повторите? Из-за дождя плохо слышно.

– В спортзале будешь заниматься. И чтобы больше я такого на корте не видел, – подытожил Борис, не сомневаясь – не увидит.

В прошлый раз девчонке явно было неудобно играть в кроссовках, которые стали ей давно малы, но она боялась сказать об этом матери. Он купил ей новую пару, но отдаст только в конце тренировки. Пусть не расслабляется.

– Марина, с сегодняшнего дня вы будете работать с новыми средствами. Я внимательно изучила отзывы, и мне кажется, что эта марка более эффективна, – Ксения говорила таким тихим голосом, что Марине каждый раз приходилось прилагать усилия, чтобы расслышать, что говорит ее работодательница.

Ей казалось, что именно так и должна разговаривать сказочная фея, на которую была похожа Ксения Львовна. Голосом, похожим одновременно на звук падающей волшебной пыльцы и призрачный звон колокольчика Динь-Динь. В один из дней она поделилась своими мыслями с Галиной, но та, хмыкнув, развеяла ее романтические представления, объяснив, что голос хозяйки просто похож на циркулярную пилу – визгливый и монотонный. Поэтому та и старается говорить полупшепотом, чтобы скрыть это от окружающих. Но что можно укрыть от прислуги?

Марина удивилась – зачем такой красавице что-либо скрывать? Такую даже голос не испортит: розовая матовая кожа, идеальная фигура, пышные блестящие темные волосы, волнами укутывающие бывшую модель. Ксения была идеальна. Глебу Петровичу здорово с ней повезло. Хрупкая жена, похожая на изящную поделку из слоновой кости, железной рукой вела домашнее хозяйство и была чувствительна к малейшим деталям. Несколько лет назад она наняла Марину, чтобы та пять раз в неделю убирала помещения первого этажа – общедоступное пространство, где регулярно закатывались стильные вечеринки для многочисленных гостей. В хозяйские спальни на втором этаже Марину не допускали: там убирала личная горничная Ксении. А Марине нужно было «сохранить белое белым», как изящно выразилась Ксения Львовна, объяснив, что они с мужем выбрали белый цвет как основной цвет интерьера, чтобы оттенить находящиеся в доме предметы искусства.

Поэтому пять раз в неделю Марина надраивала специальными средствами белоснежную кухню, туалеты и мраморные полы огромного особняка, а раз в неделю тщательно мыла стены. Дом выглядел идеально, и Марина сама получала удовольствие от нахождения в нем: столько воздуха, света, чистоты! Единственным минусом была кожная реакция на действенные моющие средства, которые Ксения закупала где-то за границей. Зуд и покраснения здорово осложняли жизнь Марины, но благодаря Валиному крему реакция быстро проходила.

С хозяином дома она пересекалась редко, и он наводил на нее священный ужас. Перед красивым статным мужчиной лет сорока, всегда стильно одетым, подстриженным и пахнущим горьковатым парфюмом, Марина цепенела словно кролик перед удавом. Это был человек из другого мира. В последний раз о таком она мечтала еще в балетной школе, когда наивно представляла себя примой Большого театра, к чьим ногам такие вот Глебы Петровичи кидают роскошные букеты и кого ждут на личных лимузинах по окончании представления. Но на мечтах был поставлен крест, когда педагоги заявили Марине, что дать ей больше ничего не могут и для дальнейшего развития ей нужно ехать в столицу и поступать в балетное училище. Для этого у нее есть все данные. Мама об этом, разумеется, и слышать не хотела. Да и сама Марина ни за что бы ее не бросила с лежащей бабулей. Поэтому из балета она ушла, не подозревая, что через полгода и мама, и бабушка уйдут практически одновременно и больше ничто не будет мешать ее карьере. Но момент был упущен.

Марина улыбнулась и слегка подула, отгоняя с лица выпавшую из аккуратной прически прядь. Ну какая из нее балерина, ей-богу. Так бы и Кирию не родила. А ведь ее дочь в разы талантливее матери, пусть даже в другом. А Глеб... Ну, пусть будет мужчиной из другого мира, тем более что сердце ее уже занято другим, идеальным. И пускай чувство безответно, это совсем не важно – главное, что у нее на душе тепло.

– Марина, вы меня слушаете? – Ксения слегка повысила голос, и Марина вздрогнула – совсем погрузилась в свои мысли и отключилась от разговора.

– Да-да, – поспешно закивала она, а Ксения недоверчиво уставилась на прислугу.

– И что я только что сказала? – вкрадчиво переспросила она, с трудом удерживаясь, чтобы не закатить глаза. С персоналом всегда так сложно! Глеб должен ценить, что она дает ему возможность пребывать в мире прекрасного, а сама занимается черновой работой.

– Простите, Ксения Львовна, я не точно запомнила, – залопотала Марина, чувствуя себя последней душой.

– Я сказала, что теперь вы будете работать с этими средствами, а я посмотрю на результат. Две недели применяйте только их, – терпеливо и назидательно повторила Ксения и, дождавшись, когда прислуга понимающе кивнет, испарилась из комнаты, пояснив: Мне пора на пробежку, а к Глебу Петровичу приехал массажист. Постарайтесь сильно не шуметь и не мешать им.

Натянув перчатки, Марина приступила к работе. Похоже, хозяйка решила поменять направление и перейти с продукции под этикеткой «био» на термоядерную химию, которая, к слову, действительно оставляла после себя белоснежное пространство. Спустя пять минут Марина почувствовала, что задыхается, а спустя десять руки под перчатками начали немилосердно чесаться.

Марина ускорила шаг, чувствуя, что еще немного – и ее просто вывернет на драгоценный мрамор. Ей удалось закончить на полчаса раньше обычного. Отказавшись от любезного предложения экономки выпить чай, Марина буквально выпала на улицу и судорожно вдохнула свежий воздух. Закашлялась и тут же закрыла рот руками, опасаясь, что потревожит хозяина.

Засеменила к калитке, на ходу доставая из кармана телефон – один пропущенный от Киры. Марина набрала дочь и, стараясь дышать ровно, выслушала, что та уже закончила тренировку и ждет занятий. Пожелав дочери хорошего дня, Марина потрусила к автобусной остановке, пытаясь восстановить дыхание. Руки зудели немилосердно, кожа снова покраснела, и на ней появилось несколько волдырей. Надо будет снова к Валентине забежать – она поможет. Возможно, еще раз поговорит со своим дерматологом и раздобудет какое-нибудь средство по сильнее?

Стараясь не обращать внимание на все нарастающий зуд, Марина села в подошедший вовремя автобус и отправилась на основную работу.

Утро. В супермаркете традиционно пусто, бродит лишь несколько пенсионеров и молодых мамочек с детьми. Марина бросила быстрый натренированный взгляд на фрукты и овощи и то, что предлагалось сегодня по акции. Помидоры краснодарские и яблоки «Слава Победителю», отлично, главное – не забыть.

Дружелюбно махнув охраннику Максиму, Марина поторопилась в небольшую подсобку, где персонал переодевался и из которой можно было выйти в курилку. До начала ее смены оставалось пятнадцать минут: успеет поболтать с девчонками и глотнуть немного кофе.

– Марина! – Зоя подошла, как всегда, неслышно и почти прошипела ее имя. Марина вздрогнула и чуть не выронила сумку – что за день такой? Все хотят с ней поговорить.

– Да, Зочка, – она повернулась к начальнице и искренне улыбнулась.

У Зои была непростая жизнь: больная мать и ребенок-инвалид. В отличие от остального персонала Марина относилась к ней с пониманием и не судила за резкие вспышки гнева и придирки. И не сплетничала за ее спиной. Наверное, Зоя это чувствовала (знать наверняка она не могла: в курилку она никогда не ходила, понимая, что ей там не обрадуются), поэтому к Марине она относилась более снисходительно, чем к другим. Хотя критикой не обделяла.

– Марина, вчера на тебя снова жаловалась клиентка, ты слишком долго обслуживаешь людей и болтаешь во время работы.

– Знаю-знаю, – тяжело вздохнула Марина, снимая пуховик и свитер и открывая шкафчик, в котором хранилась ее униформа.

– Конечно, знаешь, – не удержавшись, фыркнула Зоя, – ведь я тебе уже тысячу раз об этом говорила.

– Зочка, все знаю, но ничего поделать не могу. – Так и не надев униформу, Марина повернулась к начальнице и уставилась ей в глаза. Говорила честно, как обычно. Только так можно было достучаться до людей.

– Он же совсем одинокий, слова молвить не с кем, приходит сюда, чтобы пообщаться!

– Если так будет продолжаться, я буду вынуждена лишить тебя премии, – бесцеремонно перебила Зоя подчиненную, стараясь не пропускать через себя ее аргументы.

В глубине души она тоже была жалостливой и тоже сочувствовала одинокому старику в побитом молью пальто, приходившему в их магазин каждый день, чтобы немного поболтать с кассиром. Но она не могла позволить себе жалость, ведь в ее случае она измерялась в денежном эквиваленте. А для нее каждая копейка могла стать вопросом жизни и смерти.

Марина ничего не ответила, молча повернулась к шкафчику и достала униформу.

– Марина, – неожиданно промямлила Зоя в несвойственной ей оправдательной манере, – я ведь не хочу тебя денег лишать, я в курсе всего, но что делать, такие правила.

– Я знаю, Зочка, и не сержусь, – натянув униформу, Марина снова повернулась к начальнице и улыбнулась.

Та несколько минут поколебалась, думая добавить еще что-то к уже сказанному, но затем молча вышла, а Марина, выскочив в курилку, где быстренько выкурила одолженную сигарету и перекинулась парой слов с коллегами, начавшими охать и ахать над ее раскрасневшимися руками, отправилась на рабочее место.

Проверила крошечные шпалгалки с номерами товаров без штрих-кода, поправила бумажку с датой рождения, от которой отсчитывается возраст тех, кому можно продавать алкоголь с сигаретами, и извечный призыв «ПРОВЕРЬ ДОКУМЕНТЫ», который Зоя лично раздавала каждому кассиру, хотя Марина в этом напоминании и не нуждалась. Она была самым «старым» сотрудником, можно сказать, мастодонтом. Обычно люди здесь надолго не задерживались: уж слишком нервной была работа. А те, кто был достаточно стрессоустойчив и настойчив, вроде Зои, начинали двигаться дальше.

Но Марине продвигаться по службе мешал характер. Вздохнув, она улыбнулась самой себе в крошечное зеркальце, прикрепленное с ее стороны кассы. Время от времени она кидала в него взгляд, чтобы удостовериться в том, что выражение ее лица приветливо и она не забыла про улыбку.

День покатился своим чередом. Завернуть в целлофан молочные продукты, чтобы не испачкали другие покупки, перепроверить ценники за ребятами из мясного и рыбного (иногда путают название товара), пересчитать пирожки и булочки за кондитеркой, спросить паспорт у подозрительно юных покупателей с бутылкой алкогольного напитка (при этом не перепутать коктейль и энергетик).

Снова спросить паспорт, но в этот раз у измученных жизнью женщин средних лет и заметить, как вспыхивают щеки и радостно зажигаются глаза.

И приготовиться ждать клиента, по чьей вине она в этом месяце останется без премии. По Петру Никаноровичу можно было сверять часы. Ровно в полдень пожилой мужчина в потрепанной жизнью и временем одежде появлялся в супермаркете. Брал традиционную бутылку свежего кефира, сладкий творожок, буханку хлеба и немного сыра. Раз в несколько дней добавлял экономный набор упаковкой сметаны и куриной грудкой. Марина сочувствовала старику – на пенсию не разбежишься – и неизменно пробивала для него по социальной карте скидку «раннего покупателя», хотя та как раз в полдень и заканчивалась. Марина подозревала, что Зоя догадывается о ее мелком нарушении, но молчит, за что была благодарна.

Петр Никанорович, сколько Марина его помнила, всегда выглядел изможденно: запавшие щеки в синеватых прожилках, которые не скрывала даже седая щетина; ввалившиеся глазницы, из которых он взирал на мир пугающе черными глазами; глубокие морщины, прорезающие лоб словно пиратские шрамы. Старик был похож на человека, резко сбросившего вес и так не вернувшегося в форму. Марина всегда старалась вручить ему листовку с предстоящими акциями и рассказать о том, что выгодно купить именно сегодня, но, казалось, Петра Никаноровича совсем не тревожила еда и все мирское. Единственное, в чем он нуждался, был внимательный слушатель. Каждый день он рассказывал Марине одну и ту же историю. Историю, которую она слышала уже тысячу раз.

– Здравствуйте, Мариночка, как ваши дела? – откашлявшись, традиционно поинтересовался Петр Никанорович, подходя к кассе, чтобы оплатить свои нехитрые приобретения.

Одетый в зимнее пальто, уже давно зиявшее прорехами и утратившее свой первоначальный цвет, выглядел старик устрашающе. Пожалуй, единственное, что не давало спутать его с маргиналом, были чистота и отсутствие запаха. Старик был очень аккуратен и не вызывал чувства брезгливости.

– Все хорошо, Петр Никанорович, – бодро отрапортовала Марина, бросая встревоженный взгляд за спину постоянного покупателя.

Там маячил мужик с тележкой, загруженной сверх меры. Он пытливым взглядом окидывал кассы, решая, куда же ему направиться. Марина очень надеялась, что он отправится к ее коллеге – Заре, но та в этот момент терпеливо объясняла мальчишке, почему не может продать ему алкоголь без паспорта. Нахмурившись, мужик кинул быстрый взгляд на скудный ассортимент Петра Никаноровича в наивной надежде, что тот долго не задержится возле кассира, и направил тележку к кассе Марины. Та подавила вздох – лишения премии не избежать.

– А как вы поживаете? – стараясь прогнать грустные мысли и не глядя на подошедшего мужчину, поинтересовалась Марина.

– Прошло двадцать лет и восемьдесят четыре дня с того момента, как Эллиен меня покинула, – покачал головой Петр Никанорович, – я ненавижу этот счет, Мариночка. Каждый день напоминает мне о том, что я выторговал время у судьбы. Выторговал, но не понятно, для чего. Я ведь ничего больше в своей жизни не совершил – не родил детей, не спас кому-то жизнь. Зачем было оставлять меня в живых? Чтобы я мучился?

– Возможно, вы и сами не знаете или не заметили, как сделали что-то хорошее? Или, возможно, еще сделаете, – наплевав на все, Марина успешно игнорировала взгляд мужика, уже успевшего оперативно выложить товар на ленту и начавшего в нетерпении переминаться с ноги на ногу, а также замаячившую у него за спиной холеную женщину, явно заскочившую в магазин на несколько минут, чтобы перехватить какой-то презент.

– Мужчина, вы меня не пропустите? Мне только коробку конфет пробить, – хрустальным голосом поинтересовалась женщина, кивнув на внушительную коробку швейцарского шоколада, уже довольно продолжительное время томившуюся на полке и отпугивавшую местных жителей заоблачной ценой.

Мужик окинул ее оценивающим взглядом и молча кивнул. Женщина проскользнула мимо него и встала за спиной у Петра Никаноровича, крепко прижимая коробку к груди, словно готовая в любой момент отразить нападение. Марина грустно улыбнулась: попроси она мужика об аналогичном одолжении, наверняка в ответ услышала бы, что он торопится и пропустить никак не может.

– Нет-нет, Мариночка, ничего такого. – Старик тем временем не замечал происходящего вокруг и сгущающиеся над Мариной головой тучи.

Неспешно сложив продукты в потертую матерчатую сумку, с которой он всегда ходил за продуктами, пожилой мужчина дрожащей рукой начал искать в кошельке необходимую мелочь.

– Знаете, в юности я был убежденным атеистом, но вот теперь, когда конец все ближе, я начинаю верить в Божий промысел. Это Бог меня карает за мои грехи. Оставил в живых, чтобы я страдал и мучился ежедневно. А я слишком слаб и нерешителен, чтобы положить этому конец, – пожаловался он, ища сочувствия и оправдания и не находя его, потому что чувство вины слишком глубоко укоренилось внутри. Пустило густые вековые корни, проникшие в душу и сердце и ставшие их неотъемлемой частью. Реши кто сейчас это чувство вырвать, ему пришлось бы убить старика.

– Петр Никанорович, ну не верю я в такое жестокое наказание! – решительно отмела его предположения Марина, игнорируя острые взгляды, которые посылали в ее адрес и мужчина, и женщина. – Вы что, серийный убийца?

– Нет, что вы, Мариночка, я за всю жизнь и мухи не обидел, в прямом смысле этого слова, – вздохнул Петр Никанорович, тихонько перебирая губами и считая вслух, собирая нужную для оплаты сумму, – но, знаете, не обязательно убивать кого-то, чтобы тяжело согрешить. Список грехов человеческих весьма разнообразен.

Выпустив из вида торопящихся покупателей, Марина задумчивым взглядом окинула давнего знакомого. Слова про грехи и вину были чем-то новеньким. Обычно Петр Никанорович ограничивался горестным отчетом срока своего одиночества, словно внезапно сошедший с ума метроном, забытый в парадном зале старого дома на покрывшемся пылью старом рояле. Немного посетовав на жизнь и не дожидаясь ее ответа, старик неизменно желал ей хорошего дня и брел дальше. Про то, что его терзает чувство вины, Марина услышала впервые и попыталась окинуть старика свежим взглядом. Что-то случилось?

Выглядел Петр Никанорович хуже обычного: совсем отошал, сгорбился, словно грехи тянули его к земле. Глаза покраснели и слезились. Марина почувствовала острый укол жалости.

– Ну знаете, если бы Бог всех наказывал за грехи, мы бы жили в прекрасном мире. А так не бывает, что бандиты живут счастливо и процветают, а человек, может быть, и совершивший какую ошибку, медленно умирает и ни в чем не находит радости. – Марина протянула руку и погладила обтрепанный обшлаг рукава стариковского пальто.

– Девушка, вы скоро? – с легким презрением и нетерпением в голосе поинтересовался мужик, обменявшись с холеной женщиной понимающими взглядами.

– Что бы ни произошло, – мягко продолжила Марина, игнорируя бестактную реплику и нетерпеливых покупателей и полностью сосредоточиваясь на Петре Никаноровиче. Похоже, сегодня бедолаге помощь была нужна больше, чем когда-либо, – я уверена, что ничего ужасного вы не сотворили.

– Вы просто ничего не знаете, Мариночка, просто ничего не знаете, – покачал головой старик, борясь со слезами. – Все эти двадцать лет и восемьдесят четыре дня я чувствую себя проклятым Агасфером, бредущим в одиночестве и не находящим покоя.

– Девушка, здесь, вообще-то, еще люди, – холеная женщина решила поддержать нагруженного мужчину.

– Я пойду, Мариночка, мешаю, – засуетился Петр Никанорович. Его руки дрожали сильнее обычного, и он не справился с монеткой, которую держал в руках. Та упала на ленту и с громким звоном покатилась по металлическому покрытию. Марина автоматически протянула руку, схватила беглянку и протянула старику.

– Никому вы не мешаете, – громко заявила она и строго взглянула на нетерпеливую покупательницу. – Женщина, я обслуживаю клиента, подождите, пожалуйста.

– А что у вас с руками? – задыхнулась та, проигнорировав выпад Марины. – Вы что, больная? Где тут у вас администратор? Немедленно вызовите! Мало того что треплешься сидишь, так еще и заразу разносишь!

– Женщина, пожалуйста, не нужно мне хамить. Я ведь с вами на «ты» не переходила, – не выдержав, все-таки взорвалась Марина, уже понимая, что горько об этом пожалеет.

– Ох, Марина-Марина, подведет тебя этот дед под монастырь, – осуждающе покачала головой повар Зина, не забывая положить на поднос Марины вторую булочку к чаю. На обед та вышла раньше, выслушав разнос от Зои и объявление о том, что премии в этом месяце у нее не будет.

– Да ни причем тут дед, – буркнула Марина и кивнула Зине в знак благодарности. – Надоели эти фифы – хозяйки жизни. Две минуты подождать не могут. Ну что у нее случится-то за две минуты? Мир остановится? А для Петра Никаноровича это, может, единственная возможность поговорить с кем-нибудь!

– Да влюблен в тебя этот Никанорыч. Смелости хватило бы, так пришел бы с предложением, – это Танька, вечная пересмешница, хихикает. Не удержавшись, Марина улынулась, и дурное настроение испарилось. Взяв поднос и подмигнув Зине, она присоединилась за столиком к подруге.

– Глупости говоришь, – покачала она головой, – просто одинокий человек.

– Ну да, ну да, ты гляди, а то, может, еще раз замуж выйдешь, – снова хихикнула Татьяна, принимаясь с удовольствием наминать свежий суп, сваренный Зиной для сотрудников, – а то сейчас модно мужичков постарше в мужья брать.

– Был бы олигарх какой, так и за девяностолетнего не грех. – Это Нина кинула рядом с ними пачку сигарет и зажигалку, чтоб никто место не занял, а сама направилась к Зине за своей порцией. Столик, за которым обедали Марина и Таня, неизменно пользовался популярностью: здесь всегда было весело и душевно, поэтому и желающих отобедать с «девчатами», как ласково называли подружек-хохотушек сотрудники, всегда была масса.

– Ну нет, девяносто – это ты загнула, – сморщилась Танька, тихонько стреляя из пачки Нины сигарету. – Что с ним делать-то?

– Ничего не надо делать, и так хорошо! Помрет быстро, – захохотала Зина, и к ней присоединился весь обеденный зал, начинавший потихоньку наполняться людьми.

Плохое настроение улетучилось, как не бывало. Марина с аппетитом доела котлеты с вермишелью и оглянулась на Зину. Та кивнула, поняв подругу без слов. Каждый день она собирала для Марины небольшой тормозок из того, что осталось недоеденным, понимая, что подруге нужна помощь в еще одном благом деле.

– Да бросьте вы, девочки, – благодушно проворчала Марина, откидываясь на спинку стула и с удовольствием приступая к десерту – вишневому компоту и свежим булочкам, одну из которых она, впрочем, тут же завернула в салфетку и спрятала в карман униформы, – просто он одинокий человек, жаль мне его.

– Да мне тоже, – неожиданно поддержала подругу Таня, работавшая в мясном отделе и отвечающая Петру Никаноровичу одну куриную грудку раз в три дня. – Интеллигентный дядечка такой, вежливый всегда, пару раз даже приятные слова написал в книге нашей. Вот прям такой он... – Татьяна задумалась, ища подходящее слово, – из благородных, что ли. А ты знаешь, чем он вообще по жизни занимался?

– Понятия не имею, – пожала плечами Марина, – но мне кажется, он был учителем. Речь грамотная, и голос хорошо поставлен.

– Эх, лучше б был актером каким, – пробасила с набитым ртом Нина. – Что с того учителя взять? Пенсии копеечные.

– Да ничего я брать не собираюсь, – снова запротестовала Марина.

– Ну ты посмотри на нее, мужиками разбрасывается, – не удержавшись, Зина снова включилась в беседу, воспользовавшись краткой паузой между клиентами. – Такая уж наша бабья доля: после сорока только мумии и смотрят. Хотя тебе чего жаловаться, у тебя-то вообще-то муж есть.

– Ага, муж, – легко кивнула Марина соглашаясь, – обьелся груш.

При мысли о муже стало тоскливо. Залпом допив компот, Марина кивнула подругам и, отказавшись от традиционной послеобеденной сигаретки, вернулась в зал, к покупателям.

– Зина-Зина, – покачала головой Таня, относя грязную посуду к мойке.

– Ну чё, Зина, виновата я, что она со своими мужиками разобраться не может? – буркнула повариха, ловким движением кладя порцию макарон на тарелку охранника Максима и отвечая на его тоскливый взгляд: – Добавки сегодня не будет!

– Так, стоп! – резко распорядился Борис и поднял руку вверх, прекращая игру. – Ты почему такая рассеянная?

Вместо ответа Кира опустила голову.

– Иди сюда, – приказал тренер, – в таком настроении мы далеко не уедем. Что случилось? Выкладывай!

– Да ничего, Сергей Валентинович двойку влепил. – Кира решила не юлить, зная, что Борис все равно добьется правды. Тот нахмурился. С самого начала у них с Кирой была договоренность: до первой серьезной победы на международном соревновании учеба не должна страдать от тенниса.

– Двойку? – кратко переспросил Борис, подталкивая Киру продолжить рассказ.

– Да, за то, что уснула на уроке. – Девочка отвела взгляд и уставилась на носки новеньких кроссовок, которые Борис без лишних объяснений презентовал ей сегодня утром, объяснив это рабочей необходимостью. Кира коротко сказала: «Спасибо» – и всю послеобеденную тренировку носилась как на крыльях, не замечая усталости (так ей казалось). Но ее заметил Борис.

– Кира, ты же в курсе, что у нас впереди национальный турнир?

Вместо ответа Кира кивнула.

– Я видел Аню на последнем матче, – без лишних сантиментов продолжил Борис, – на зимних каникулах она была во Франции в теннисной академии Муратоглу.

Кира быстро взглянула на тренера, и у того на секунду перехватило дыхание. Худенькая до синевы: наверняка не доедает. Потертая футболка и растянутые штаны, под ними – костлявое тело. Синяки под глазами. Ее бы к доброй бабушке в деревню да на парное молоко и домашние пироги, может, хоть немного стала бы похожа на человека. Но бабушки в деревне у нее нет, а у матери нет средств на парное мясо и домашнее молоко. Поэтому то, что он собирается сейчас сказать, вдвойне жестоко, но выбора у него нет: на таких высотах спорт добрым и сочувствующим не бывает.

– Так вот, академия дала Ане очень многое, в частности возможность сыграть с сильными соперниками из другой системы. На своих она уже достаточно потренировалась, как и ты. Ты ведь в стране всех знаешь и всех успешно побеждала, включая Аню. Но она сейчас сильнее только потому, что смогла поиграть с иностранцами. Это то, чего тебе очень не хватает, Кира. Ты можешь быть гениальным игроком, но без сильных спарринг-партнеров далеко мы не уедем. На данный момент тебе в рамках страны просто некуда двигаться. Как и Ане, тебе нужно набить руку на иностранцах, это выведет тебя к чемпионату на нужный уровень. И в идеале лагерь тебе нужен уже на этих каникулах.

Он подошел к объемной сумке, оставшейся еще с прежних, чемпионских времен. Пожалуй, единственная вещь кроме ракетки и формы, которую он оставил из прошлой жизни: уж больно удобной она была. Фирменный красный цвет давно выцвел, а ткань на сумке порядком поистрепалась, как и его собственная жизнь, но Борис все не решался расстаться с верной подругой, прошедшей с ним столько испытаний. Собственно, других друзей-то у него и не было.

Из бокового кармана, который он расстегнул с большой осторожностью, Борис достал распечатку с информацией о лагере, в которой были указаны цены.

– Кира, – он попытался поймать взгляд девочки, – я понимаю, что сейчас речь идет о больших деньгах, но у нас наверняка есть люди, поддерживающие талантливых детей. Может,

стоит обратиться в администрацию, в отдел спорта. Или же поговорить с отцом, возможно, он поддержит? Тебе очень нужен этот лагерь.

Борис протянул Кире распечатку, та, не глядя, чтобы не разрыдаться прямо при Борисе, свернула ее и засунула в боковой карман школьного рюкзака.

– Мы с мамой разберемся, – сдержанно, как взрослая, ответила она.

– На сегодня все, – немного подумав, заключил Борис. Девочка была истощена и измотана, уснула на уроке. Завтра он сам принесет на тренировку яблоки и гранаты, пусть хотя бы немного восполнит недостаток сил и витаминов.

– Придешь домой – поспи, это приказ тренера, – сурово распорядился он. – Жду тебя завтра в обычное время.

– Хорошо, – кивнула Кира.

Пожав ему руку и накинув куртку прямо на спортивную форму, она направилась к выходу из спортзала, на ходу набирая номер матери.

– Мамочка? Я уже закончила, ты дома? Хорошо, я тебя встречу на остановке, помогу с пакетами.

Антон, по обыкновению, ждал их возле дома. Перетаптываясь с ноги на ногу и держа в руках огромный бумажный сверток. Первой он увидел Киру и, приветливо махнув, поторопился ей навстречу. Марина автоматически отметила, что муж довольно неплохо выглядит: бодрый, подтянутый, веселый, с румянцем во всю щеку, который был не в силах скрыть даже тусклый свет фонарей, тщетно пытавшихся разогнать темноту. В нем Антон выглядел лет на десять моложе, и Марина с трудом подавила горестный вздох: время благоволит мужикам. Ведь она сама даже в крошечной тьме не тянет на двадцать пять, а вот Антон – вполне. Вот что значит человек нашел свое призвание и цель в жизни. В отличие от нее, пустившей свою судьбу под откос.

– Кируся! Как дела? – Антон быстро подошел к дочери и клюнул ее в щеку, одновременно протягивая увесистую поклажу. – Это тебе, доченька, вот, гостинцев принес. Тебе витаминки нужны, поешь.

– Спасибо, папа. – После недолгого колебания Кира все-таки взяла пакет, предварительно бросив быстрый взгляд на мать и заметив ее едва заметный кивок.

– Мариша, ты все тащишь и тащишь, давай помогу! – В любой ситуации Антон оставался джентльменом, за это она его, наверное, и полюбила в свое время.

Ей, выросшей в рабочем районе, где мужчины были не приучены открывать перед женщинами двери, пропускать их вперед, дарить цветы без повода и брать на себя часть их ноши, Антон показался чем-то сродни английского принца. И после свадьбы он ничуть не изменился. Так и оставался хорошим, милым чудачком.

– Антон, ты зайдешь? Чаю попить, – автоматически предложила Марина.

– Мариша, – привычно запротестовал муж в ответ. Но Марина уже нашла необходимые слова:

– Антош, надо хоть раз в день нормально поесть, не дело это – без горячего. Я твои взгляды уважаю, поэтому принесла тебе то, что у девочек в столовой оставалось. Все равно на выброс собирались отдать, а так всем хорошо.

Кодовая фраза «на выброс» оказала магическое воздействие на Антона. Расправив и без того прямые плечи и проведя рукой по коротким волосам, он по-военному быстро кивнул и затрусил к подъезду. Марина посмотрела на загрустившую дочь и ласково потрепала ее по плечу, прочитав нехитрые Кирины мысли. Та мрачно зыркнула на мать, но Марина ей улыбнулась и пожала плечами, призывая дочь не сердиться. Родителей не выбирают.

Спустя двадцать минут вся семья собралась на миниатюрной кухне, где Марина принялась раскладывать еду по тарелкам, предварительно ее разогрев. Антон еще раз сурово осведомился, точно ли то, что ему предлагают, должно было сегодня отправиться на помойку, и, получив утвердительный ответ, с удовольствием принялся за горячий ужин.

Кира молча последовала его примеру, но спустя пару минут Антон засуетился и, достав из кармана выдавший виды телефон, включил на нем допотопную камеру и принялся снимать содержимое тарелки. Затем протянул телефон жене.

– А ну сними, как я ем.

Жизнь с Антоном научила ее не задавать лишних вопросов, чтобы избежать дополнительных травм. Марина принялась покорно снимать, как муж показательно ест на камеру. Спустя несколько минут он сделал ей знак прекратить съемку и вернуть телефон.

– Кстати, Марин, ты умница, такую тему подала. Я ведь про общепиты еще ничего не говорил, – сообщил он жене, засовывая телефон в карман потертых брюк и тщательно подбедая остатки на тарелке. – Сколько же всего там пропадает! И, насколько я знаю, остатки запрещают передавать нуждающимся. Интересно, почему? Мне стоит поднять эту тему!

– Папа, мне нужно поехать в теннисный лагерь во Францию, – тихо сообщила Кира, аккуратно заканчивая свою порцию и ставя тарелку в мойку. Обернувшись, она уставилась на отца, ожидая ответа. Тот сделал вид, что не услышал ее реплику.

– Господи, да мы же можем устроить пикет под администрацией и потребовать, чтобы все эти ваши супермаркеты, столовые, рестораны и проклятые кулинарии обязали отдавать излишки нуждающимся! Это же преступление против человечества – выбрасывать столько всего на помойку! – продолжил разглагольствовать Антон.

– Папа, – Кира повысила голос, прерывая поток отцовского красноречия, – мне очень нужно поехать в этот лагерь до того, как я буду играть национальное первенство. Без него у меня нет шансов.

Делать вид, что он не расслышал, больше не представлялось возможным. Антон откашлялся и отвел глаза куда-то к окну, словно пытаясь рассмотреть за ним ответ на неудобный вопрос.

– Дочь, через пять лет наша планета пройдет точку невозврата, – после затянувшейся паузы сообщил он, – о чем ты вообще думаешь?

– Я думаю о том, что мне нужно выиграть национальный турнир. Если мне повезет, то после выигрыша мне дадут вайлд-кард на какой-нибудь крупный международный турнир. И если я там проявлю себя, то наконец-то смогу начать зарабатывать деньги. Часть из которых я отдам на благотворительность.

Марина с трудом сдержала улыбку гордости. Она отвернулась, чтобы Антон ничего не заметил и не догадался, что им пытаются манипулировать. Ее дочь так быстро и незаметно повзрослела и до стольких вещей дошла самостоятельно, что она и ахнуть не успела. Поняла, какой единственно верный аргумент она может использовать, чтобы убедить отца.

– Но до этого ты сделаешь несколько дыр в атмосфере, загрязнишь ее ездой на автомобилях и поеданием всего того шлака, который вам дают спонсоры, и тем самым поощришь этих преступников-рекламодателей, провоцирующих мир на избыточное потребление! – визгливо возразил Антон.

– Папа, я могу поехать на перекладных, а по пути питаться тем, что ты для меня раздобудешь, – тут же нанесла ответный удар Кира, и Марина снова отвернулась, чтобы громко не рассмеяться.

Антон, вопреки обыкновению, тоже заметил издевку в словах дочери.

– Ну знаешь ли, – забормотал он, выскакивая из-за стола, аккуратно складывая салфетку, предложенную ему Мариной, и пряча ее в карман. Спустя минуту хлопнула входная дверь, а

мать и дочь переглянулись, в очередной раз молча вспоминая, почему теперь они не живут с Антоном.

Не говоря ни слова, Кира вышла вслед за отцом в коридор, а затем вернулась с преподнесенным им пакетом. Распаковала, задержав дыхание, и, открыв мусорное ведро, выбросила не глядя все содержимое. Немного подумав, запихнула в ведро и сам пакет. Марина, подойдя к дочери и немного отодвинув ее в сторону, достала с небольшой полочки, где хранила чистящие средства, очиститель на основе хлора, открыла мусорное ведро и щедро залила подарок мужа. Затем ловко закрыла мусорный мешок, вышла из квартиры и отправила его в мусоропровод, чудом уцелевший в их доме.

Вернувшись и тщательно вымыв руки, Марина перевела взгляд на дочь, потупившую взгляд.

– Рассказывай.

Вздыхнув, Кира принесла матери распечатку, которую передал ей Борис. Та перечитала ее несколько раз, прежде чем подняла глаза на дочь.

– Мам, я могу и не ехать. Ты же знаешь, я до финала дойду скорее всего и так, просто в финале Аня, а она была в этом лагере на зимних каникулах... – начала оправдываться Кира, а Марина подняла руку, останавливая поток красноречия дочери.

– Ничего, доченька, я что-нибудь обязательно придумаю. Надо – значит, надо. Найдем деньги. Я кое-что откладывала на твой день рождения, если что займу, на работе поговорю, – храбро затараторила Марина, тщательно следя за тем, чтобы в голосе не проскользнула нотка отчаяния.

Она перевела взгляд на карту желаний, которую они с дочерью смастерили под новый год и повесили на кухне, регулярно пополняя ее понравившимися картинками из журналов. Недолго думая, прикрепила к ней информацию, переданную Борисом. Конечно, она не была столь наивна, чтобы верить, будто бумажка на стене поможет Кирусе отправиться во французский лагерь, но помешать она точно не помешает.

Стараясь не выдать собственной растерянности и замешательства, Марина коротко попросила дочь:

– Поставь чайник, Кируся.

– Мама, а что у тебя с руками? – Широко раскрытыми глазами дочь уставилась на материнские руки, которые из-за тусклого света лампы не сразу бросились ей в глаза. Выглядели они и правда неважно: красные, опухшие, покрытые странной сыпью вперемешку с созревшими волдырями. Марина мысленно чертыхнулась – зачем выставила на обзор?

– Ничего, это тетя Валя мне новый крем подогнала, – сочинила она на ходу, – а мне он явно не подошел, теперь вот аллергическая реакция. Но пара дней, и все будет в порядке, не переживай.

– Правда? – усомнилась Кира.

– Правда, – бодро соврала Марина, борясь с желанием почесать распухшие руки и опустить их в лед. Потом, когда Кира уснет.

– А теперь своими словами, что это за лагерь такой? – потребовала она.

– Он принадлежит Патрику Муратоглу. – Успокоенная материнским враньем, Кира быстрыми привычными движениями заварила чай и принялась разливать его по чашкам. Марина тем временем пристроилась на своем любимом месте возле холодильника.

– Что за зверь такой? – хихикнула Марина. Несмотря на внезапно обрушившееся на голову известие, которое, несомненно, влекло за собой новые хлопоты, хорошее настроение возвращалось. В этом была вся Марина, неспособная грустить дольше десяти минут.

– Это не зверь, – улынулась дочь, расслабляясь и успокаиваясь: мама в хорошем настроении, значит, непременно что-нибудь придумает. – Это тренер Серены Уильямс.

Ночь она, ожидаемо, провела без сна, чувствуя себя единорогом на эмоциональной радуге. Разнообразные оттенки чувств и эмоций сменяли друг друга, заставляя то плакать, то смеяться, то корить себя, то подбадривать. Из ямы отчаяния она вдруг взлетала на вершины оптимизма, пыталась себя успокоить и мыслить трезво, но не получалось. Проворочавшись до полуночи на диване, внезапно ставшим жестким и неудобным, Марина тихонько вышла из комнаты и отправилась на кухню. Тщательно притворив за собой дверь, она достала из заначки спички и сигареты, а из холодильника банку– варенья. Включила чайник и, заварив крепкий чай, принялась размышлять.

Ей нужно четыре с половиной тысячи евро, чтобы отправить Киру в лагерь на две недели. Да, у нее есть жалкие сбережения. Валентина наверняка займет еще несколько сотен. Антона надо будет потрясти основательнее. Принципы принципами, но на кону будущее дочери. По подружкам можно будет стрелкнуть, но этого все равно не хватит. Где и как она может заработать? На панель ее явно не возьмут – Марина хихикнула от одной мысли. В тридцать пять лет она ощущала себя полностью вышедшей в тираж.

Она взглянула в окно, которое сгустившаяся на улице тьма превратила в зеркало. Оттуда на нее смотрела симпатичная худенькая блондинка средних лет. Распущенные на ночь светлые пушистые волосы, добрые грустные глаза – окно не отражало их цвет – светло-серый. Тонкий нос и красиво очерченные губы. Из-за усталости и недоедания щеки давно впали и очертили высокие скулы. Марина критически осмотрела собственное отражение. Нет, безусловно, есть разные извращения, но на них она и сама не согласится. Должен же быть какой-то другой способ для честной женщины заработать несколько тысяч евро?

Кредит она брать боялась: отдавать вместе с долгами подругам будет просто не из чего. Зарплата кассира в супермаркете и то, что она зарабатывала уборкой, практически полностью уходили на их скромные повседневные нужды и оплату турниров, которые регулярно играла Кира. До определенного времени теннис – это только расходы.

На гонорары дочери пока что рассчитывать не приходилось. За редким исключением юниоры ничего не зарабатывают, деньги начинают приходить, лишь когда игрок оказывается в первых двух сотнях. Но Кира ни за что в жизни туда не попадет, если не будет тренироваться на международном уровне.

Собственно, выхода у нее было два. Просить Ксению и Глеба об увеличении объема работ и, соответственно, зарплаты и сделать все возможное, чтобы ей выплатили эту повышенную зарплату авансом. В конце концов, она у них работает уже много лет, наверняка они ей доверят и не откажут.

А второй – это посыпать голову пеплом, поговорить с Зоей и пообещать ей больше никогда не разговаривать с клиентами. Марине тут же стало грустно: почему из-за ее неспособности заработать деньги должен страдать несчастный старик? Марина попыталась прогнать эти мысли. Ей пора, наконец, подумать о себе и перестать жалеть всех на свете.

К четырем утра банка варенья опустела, от количества выкуренных сигарет мутилось в глазах и голове, но мышление было на удивление ясным и четким. Возможно, помог адреналин. Она знала, что нужно делать.

Отварив рис, закутав его и оставив под подушкой, она быстро приняла душ, подкрасилась и отправилась в Приусадебное на первом же автобусе.

Заспанная экономка шепотом сообщила ей, что хозяева еще спят, но они с Мариной могут выпить кофе в тишине и спокойствии и немного поболтать. Марина чуть было не поддалась соблазну, тем более что сегодня она осталась без традиционной чашки кофе (так и не пополнила запасы), но сумела совладать с собственными желаниями и, перемотав зудящие и

опухшие руки эластичным бинтом и натянув сверху две пары перчаток, принялась за уборку новыми средствами.

К моменту, когда Ксения спустилась вниз, все сияло от чистоты. Хозяйка не ошиблась: новые средства действительно давали чудодейственный эффект, плохо было лишь то, что Марина с трудом дышала и ощущала, как руки раздулись еще больше, и ей казалось, что с них в режиме реального времени слезает кожа. Но хозяйке ни в коем случае не стоило об этом говорить, тем более в свете всего происходящего.

– Марина, вы сегодня так рано? – тихо прошелестела удивленная Ксения, запахивая эфемерный халатик, подчеркивающий бесконечные стройные ноги, и тщательно принюхиваясь к запаху после уборки.

Реклама не соврала – средства почти не пахли, но проветрить все равно не помешает. Она немного подумала, не открыть ли ей окно прямо сейчас, но толком еще не проснувшийся мозг отчаянно сопротивлялся. Ей хотелось побыть в тепле и одиночестве: Глеб снова поздно лег и храпел немилосердно, она не выспалась! Все, что ей нужно, – это чашка кофе и лента со сплетнями о светской жизни. Принесла ж нелегкая эту Марину с утра пораньше. Ксения с трудом сдержалась, чтобы не поморщиться, но Марина словно прочитала ее мысли и заторопилась:

– Ксения Львовна, вы извините, если беспокою, я просто хотела узнать, может быть, я могла бы делать еще какую-то работу для вас? Все, что вы скажете. Могу приезжать пораньше и готовить. Сейчас весна, может, в саду что-нибудь сделаю? У меня с растениями хорошо получается, – забормотала Марина, злясь на саму себя. Сегодня ночью она составила убедительную, как ей казалось, речь, даже написала ее на бумажке и попыталась выучить по пути на работу, но измученный терзаниями мозг просто отказался слушаться, и вместо стройных логичных фраз в голове образовалась жуткая каша.

– Вам что, нужны деньги? – слегка поморщилась Ксения, прерывая поток красноречия. Хорошенькая головка начинала болеть, и хотелось, чтобы прислуга убралась с глаз долой. Вот же ж настырная и нечуткая какая! Неужели не видит, как ей плохо?

– Да, нужны, – просто кивнула Марина и уставилась на хозяйку, невольно любуясь ее красотой.

Наверное, они ровесницы, но Ксения на порядок роскошнее и холенее. Ну до чего же хороша – загляденье! Хотя сейчас на обложку журнала. Марина не испытывала ни малейшей зависти и была уверена, что у Ксении наверняка тоже есть собственные проблемы, ведь идеальной жизни не существует. Но она не могла отказать себе в желании полюбоваться такой красотой, как произведением искусства. Хотя дышать ей становилось все труднее. Как и Ксении, ей хотелось вырваться на свежий воздух и глубоко вдохнуть, чтобы немного проветрить легкие.

– И на что же они вам нужны? – не удержалась Ксения. Интересно, какие мечты и желания могут быть у прислуги? Купить в кредит недорогую иномарку? Взять ипотеку? Нет, скорее всего, поехать в Турцию.

– Мне нужно отправить дочь в дорогой спортивный лагерь, – бесхитростно призналась Марина.

– Спортивный лагерь? – Ксения наконец-то проснулась. Она ожидала услышать что угодно, но только не это. – Ваша дочь, что, спортом занимается?

– Да, – кивнула Марина и улыбнулась, – теннисом. Она сейчас первая юниорская ракетка страны.

Ксения открыла рот, чтобы что-то сказать, но так и застыла, переваривая услышанное. Дочь поломойки первая ракетка страны? Да быть того не может, откуда у нее деньги? Марина продолжала улыбаться, глядя на нее, и Ксения поняла, что выглядит нелепо. Прикрыв рот, она нерешительно кивнула и после недолгого раздумья предложила:

– Хорошо, я думаю, вы могли бы и на втором этаже чистить туалеты и ванны.

В последнее время она была не очень довольна тем, как ее горничная справлялась с работой, а эту Марину можно будет заставить чистить сантехнику зубной щеткой хоть каждый день.

Вчера она допоздна смотрела британское шоу, в котором одна любительница чистоты именно так поступала со своим унитазом и даже лично облизнула его на камеру в конце чистки, доказывая, что ни один микроб не выжил после хлорки и зубной щетки. Вначале это вызвало чувство гадливости, а потом восхищения: какая же, должно быть, у этой сумасшедшей атмосфера чистоты!

Сама Ксения, может, и хотела бы, но просто не могла себе позволить сутками убирать и начищать фаянс, ведь надо было беречь руки и вообще соответствовать тому обществу, в котором они с Глебом вращались. А в нем хозяйки понятия не имеют, как зовут прислугу, чистящую унитазы. Но Ксения, помешанная на контроле, втайне от подруг держала весь процесс под неусыпным надзором. Сама отбирала персонал, сама закупала средства, задавала требования и контролировала результат. Такие вещи, как чистота и стерильность, нельзя пускать на самотек.

– Спасибо вам огромное, Ксения Львовна, – расцвела Марина, с трудом удерживаясь от того, чтобы кинуться на шею работодательнице и расцеловать ее, – вы не пожалеете!

– Надеюсь, – царственно кивнула та, снова вспоминая о чашке кофе, – приходите завтра в это же время, я выдам вам новые средства и инструменты. Первая неделя будет испытательной. Я посмотрю, как вы справляетесь.

– Хорошо, – снова просияла Марина. От радости цепкие лапки аллергии немного ослабли, и стало возможно нормально дышать.

Ксения снова кивнула, давая понять, что разговор окончен, и поплыла по воздуху на идеально чистую кухню, чтобы наполнить чашку тонкого фарфора ароматной арабикой.

– Ксения Львовна, и еще, – робко пробормотала ей вслед Марина, а Ксения почувствовала, как в висок застучали тонкие молоточки. Нет, все эти домашние хлопоты определенно подрывают ее здоровье!

– Да? – пытаюсь звучать безукоризненно вежливо (где-то она услышала, что класс человека определяется именно по тому, как он общается с прислугой), она повернулась к Марине и нетерпеливо уставилась на нее, посылая мысленные сигналы ускориться.

– После испытательного срока – если я его пройду, разумеется – вы не могли бы выплатить мне авансом зарплату за несколько месяцев? Мне очень нужно, – забормотала Марина, немедленно смутившись. Она так и не научилась просить деньги, даже если они были законно ею заработаны.

– Авансом? – от удивления Ксения переспросила нормальным голосом, в котором послышались скрипучие нотки.

– Да, мне очень нужно, этот лагерь – он будет уже в следующем месяце, и Кирусе надо в него попасть до национального первенства.

– Знаете, Марина, – Ксения дернула головой и зябко пожала плечами, – теннис – это очень дорогой вид спорта, на одних авансах вы долго не протянете.

– Я знаю, просто сейчас это исключительный случай, – Марине вдруг стало очень неприятно и захотелось прекратить разговор, хотя ничего такого Ксения и не сказала. Теннис действительно был дорогим видом спорта, это чистая правда. Но почему же она настолько неприятна?

– Я посмотрю, что можно сделать, – подытожила Ксения, приходя в себя и снова переходя на полупшепот. Повернувшись к Марине спиной, она явственно дала понять, что теперь разговор точно окончен.

Стараясь не дышать и не производить лишний шум, Марина тихонько попятилась к выходу. Уже возле входной двери вспомнила, что так и не сняла перчатки, в которых мыла пол. Беспомощно покрутила головой в поисках ножниц или любого острого предмета, который помог бы ей избавиться от сдавившей руки резины.

– Я же говорила, что у нее голос противный. – Галина беззвучно появилась у Марины из-за плеча и протянула ножницы. Наверняка подслушивала, но Марине было все равно. Впервые в жизни она согласилась с Галиной в оценке хозяйки.

Взяв ножницы, Марина попыталась поддеть упругую желтую резину, но пальцы не слушались.

– Давай, помогу, – засуетилась Галина, а Марина внезапно испугалась, что экономка может увидеть ее руки. Вдруг она тоже решит, что она заразна, и нажалуется хозяйке? Тогда та и на пушечный выстрел не подпустит ее к своим драгоценным унитазам на втором этаже. Вспомнив о том, что ей назначен испытательный срок, Марина с трудом сдержала смех. Очень ответственная работа, однако, мало кто справится.

– Да нет, спасибо, не стоит, я сама, – забормотала она, но экономка, не слушая возражений, ловко поддела край перчаток, сделала надрез и парой ловких движений избавила Марину от резиновых пут. Уставилась на эластичные бинты.

– Это что такое? – почему-то перешла она на шепот, со страхом оглядываясь на двери, что вели в кухню и столовую. Оттуда раздавалось мирное журчание кофе машины. Хозяйка делала уже вторую чашку, голова болела, сейчас будет минимум час сидеть на декоративном диванчике в зимнем саду, рассматривать журналы с последними модными коллекциями и читать сайты со сплетнями.

– Да руки что-то разболелись, к врачу надо, может, артрит, – отчаянно соврала Марина и покраснела. Нет, она не была святой, но врать не любила. Это всегда заставляло ее чувствовать себя неловко, казалось, что все окружающие догадываются, о чем она врет. А врать в последнее время ей приходилось непозволительно часто.

Галина тем временем, не слушая слабые возражения Марины, ловко разбинтовала ее опухшие руки (местами бинты промокли и успели присохнуть к ранам, причиняя боль) и уставилась на кровавое месиво, в которое те превратились. Марина сглотнула при виде собственных рук: она и не подозревала, что дело настолько плохо.

– Мать Божья, – не сдержавшись, ахнула Галина, – это же те дурацкие новые средства, да? Что она тебе дала?

– Ну, я не знаю, я не уверена, вообще мне надо к врачу. – Марина попыталась изъять у Галины бинты, но та сделала шаг назад.

– Ты что, без рук остаться хочешь? – повысив голос, но стараясь говорить шепотом, прошипела она. – Или вообще отравиться? Нимфа наша с ума сошла со своей чистотой, сидела бы в барокамере – там микробов нет, что ж она с людьми творит-то? Ты ей скажи, что больше с этим работать не будешь. Угроишь себя.

– Буду, Галя, буду. – Вздохнув, Марина сделала шаг по направлению к экономке и, забрав у нее бинты, бестолково запихнула их в сумку. – Завтра я приеду в это же время. Хозяйка дала мне возможность чистить ее личные туалеты.

Кофе в тишине попить так и не удалось. Глеб спустился через десять минут после ухода надоедливой прислуги. Ксения только-только прикрыла глаза, цедя сквозь мелкие жемчужные зубки длинный глоток, как супруг вошел в зимний сад, решительно направился к ней, чтобы поцеловать, но в последний момент сменил траекторию, взял с низкого кованого столика свежий журнал (кто в наше время вообще читает журналы?) и присел в кресло напротив жены.

Опустив крошечную изящную чашечку костяного фарфора, Ксения подняла глаза на Глеба и стала похожа на обиженного олененка Бэмби. В последнее время между ними было все больше недосказанности. Все чаще он оставался ночевать на диване в кабинете (чтобы не беспокоить храпом, но она-то все понимала), все сильнее хмурился, получая ежемесячные счета.

– Ксюша. – Прокашлявшись и нервно листнув пару до зевоты скучных страниц делового еженедельника, Глеб отложил журнал в сторону и уставился на жену. Сейчас или никогда.

– Да? – прошелестела Ксения, отставляя в сторону чашку и кладя ногу на ногу, не давая ему сосредоточиться.

– Что это за запах? – Глеб нервно дернул носом и ослабил галстук.

Значит, с самого начала ему не показалось. Аромат растений, зимующих в теплице, перебывал мерзостный смрад, в котором он распознал хлорку и еще какую-то дрянь. Именно он помешал поцеловать жену. Ему показалось, что запах исходит от нее самой.

В последнее время Ксюша просто помешалась на чистоте, заставляя бедных работников вычищать все до блеска. Доктора говорили, что это часть ее болезни – полного неприятия себя. Вначале была булимия, от которой он ее вылечил. Затем депрессия: Ксюша, весившая сорок восемь килограмм, казалась себе чудовищно толстой, била зеркала и в незадавшейся модельной карьере винила лишний вес. Доктора не справились, пришлось положить ее в клинику. После курса лечения она на некоторое время пришла в себя, впрочем, все так же замешая почти все приемы пищи чашкой кофе, но немного повеселела, и у нее появились другие интересы кроме пищевого дневника.

Ксюша полюбила чистоту. Причем полюбила ее с такой силой и страстью, что ей становилось физически плохо, стоило заметить хотя бы небольшое пятнышко на идеально чистой поверхности или почувствовать посторонний запах. Дом наводнил штат домработниц, но и сама Ксюша тайком, когда она думала, что ее никто не видит, щедро заливала термоядерными средствами все, до чего могла дотянуться, а затем с упоением терла, скребла, скоблила. Он подозревал, что жена и себя моет с дезинфекторами и с удовольствием вымыла бы его, если бы он только позволил. Каждый раз, стоило ему войти в спальню, она робко интересовалась, принимал ли он душ, хотя это было очевидно – каждый вечер он мыл голову и ложился спать с влажными волосами. Вскоре Глеб понял, что жену смущает даже запах чистого тела, и своими наводящими вопросами она дает понять, что просто не принимает его, боится бактерий, которые он переносит, считает недостаточно чистым.

Так как мыться хлоросодержащими препаратами он напрочь отказывался и с трудом сдерживался, чтобы снова не отправить жену на прием к очередному специалисту, то ему приходилось все чаще ночевать в кабинете, где жена не могла учуять его запах.

Ксюша в ответ на столь радикальные меры начала грустить и чахнуть. Это был замкнутый круг, который надо было разорвать, только вот Глеб не знал, с чего начать и как это сделать без помощи психиатров.

Хотя жена сейчас была не основной его проблемой. Намного больше его смущали потери собственного бизнеса. Вот уже пятнадцать лет компания Глеба занималась строительством жилья. Они строили много и активно, но в их портфолио не было монструозных многоэтажек с крошечными комнатами, больше смахивающими на пчелиные соты, чем на место, пригодное для жизни. Нет, Глеб Петрович был эстетом до мозга костей и ни при каких обстоятельствах не согласился бы на такую халтуру.

Его компания «ГП» специализировалась на строительстве «художественной» недвижимости – элитных клубных домов, которые сочетали в себе современную функциональность и красоту эпохи ренессанса. Они выкладывали мозаикой панно в парадных, выковывали вручную перила, выстилали площадки между этажами лучшими образцами метлаха, а сами квартиры были настоящим произведением искусства. В изразцовых печах прятались современные духовые шкафы, изящная лепнина высоких потолков напоминала старинные дома Петербурга, а огромные залы с наборным паркетом словно приглашали устроить настоящий бал.

Вначале желающих было много. «Дома от ГП» стали настоящим трендом, на квартиры выстраивались целые очереди, а места в списке ожидания выкупались за несусветные деньги. Но мировой кризис и архитектурные тенденции внесли свои коррективы. Наигравшись, состо-

ятельные люди переметнулись к лаконичному современному дизайну: функциональному, не предполагающему красоты.

А Глеб не смог перестроиться, потому что ему на глубинном уровне претил подобный подход. К своему огромному сожалению, он унаследовал от отца умение видеть и чувствовать красоту и просто физически не мог заставить себя строить безликие недорогие муравейники. Глеб был уверен, что стоит ему поступиться своими принципами ради денег – он перестанет получать удовольствие от работы. А отец всегда говорил, что человек должен заниматься только тем, от чего получает настоящее удовольствие, и тогда ему будет сопутствовать успех. Конечно же, он ошибался, но успел прошить эту установку на молекулярном уровне Глеба. Наверное, поэтому Глеб и выпал из обоймы удачливых застройщиков.

Вчера ему отказали в очередном кредите, и сегодняшний счет за новые чистящие средства, щедро закупленные Ксюшей, на который он еще год назад и внимания бы не обратил, привел его в бешенство.

– Запах? – удивленно переспросила Ксения, не имеющая ни малейшего понятия о сложностях мужа и том, что на самом деле происходит в его жизни. Она была женщиной-трофеем, женщиной-украшением, а не боевой подругой, с которой делишь горести и невзгоды.

– Странно, – она повела изящным переделанным носиком и стала похожа на маленького милого кролика, которого так и хочется потискать и прижать к себе покрепче, оградив от новостей о грядущем банкротстве, – я ничего не чувствую. Наоборот, я сейчас закупила средства, которые не дают никакого запаха.

Глеб протянул руку, бесцеремонно взяв чашку жены с остатками кофе, и выпил ее одним махом.

– Ксюша, – продолжил он, возвращая чашку на место и поднимая глаза на жену. Та впервые заметила, что муж осунулся, похудел, под серыми глазами залегли такие же серые тени, а в темно-русых коротко стриженных волосах показалась первая седина.

– Да, Глебушка, пока не забыла. – Ксюша, обладавшая звериным чутьем, почувствовала неладное и залопотала, не давая мужу возможность обрушить на нее бомбу: – Наша... э-э-э... помощница Марина попросила дополнительную работу. У нее дочка играет в теннис, представляешь? Ха-ха, кто бы мог подумать. Так вот, Марине очень нужны деньги для какого-то там лагеря, она наивно думает, что дочка и дальше сможет играть в теннис на ее зарплату. Но это ее дело, конечно, она спросила, а я подумала предложить ей мыть наши ванны и туалеты на втором этаже, что скажешь? Разумеется, если она пройдет испытательный срок.

– Испытательный срок для мытья туалетов? – ошарашенно переспросил Глеб, глядя на жену. Та, похоже, совсем оторвалась от реальности.

– Да, – радостно подтвердила Ксения. – Так что скажешь?

– Скажу, что это не очень хорошая идея. – Откашлявшись, Глеб взял себя в руки и уставился сквозь идеально вымытое окно зимнего сада на улицу, где снова зарядил дождь. – Я боюсь, что...

И как в безыскусной мелодраме, зазвонивший телефон не дал ему закончить начатое предложение. По всем законам жанра известие, которое ему сейчас сообщат, было призвано изменить ход событий.

– Я слушаю, – ответил Глеб неизвестному абоненту, хотя в последнее время звонки с незнакомых номеров он игнорировал, но сейчас он был рад образовавшейся передышке. – Да, это я.

Он встал, сделал шаг в сторону и взялся за спинку кованого стула, словно предчувствуя, что земля может уйти из-под ног.

– Что? – только и сумел прошептать он в ответ на известие, сообщенное ему незнакомым казенным голосом.

Просьба о повышении и эмоциональный разговор с Галиной оставили неприятный осадок, но Марина умудрилась и в нем отыскать что-то хорошее. Уровень адреналина зашкаливал, собственный запас негативных эмоций на сегодняшний день был израсходован, поэтому предстоящий разговор с Зоей был не так страшен.

В автобусе Марина щедрым слоем нанесла на зудящие руки чудо-крем, который дала ей Валентина. Все-таки вчера он ей помог. К утру отек спал, да и волдыри скукожились, вместо того чтобы надуться и лопнуть. Правда сейчас они снова воспряли духом и выглядели гаже некуда, но Марина все же надеялась, что крем ей поможет. Отыскав в сумке пару тонких перчаток, она натянула их на руки, надеясь, что так крем лучше впитается. Зуд утих, боль отступила, и ей даже удалось немного подремать в теплом автобусе под звук моросящего дождя. Поэтому к супермаркету Марина подходила уже в отличном расположении духа.

Зоя была на рабочем месте, суровая и неприступная, но перед ней не было необходимости юлить или унижаться, как перед Ксенией Львовной. И ее Марина не боялась. Ведь с Зоей они были в одной лодке: две неудачницы, просто одной из них удалось занять место в тонущей лодке немного повыше. Поэтому о своих нехитрых бедах и печалях она поведала начальнице неспешно и даже с юмором, закончив свой рассказ просьбой о повышении.

– Старшим кассиром? – недоверчиво переспросила Зоя, выслушав Марину.

– Да, если можно, – кивнула та. – Мне кажется, я готова. Я ведь здесь дольше всех работаю, все знаю, людей люблю.

– Да ты давно готова, Марина, – неожиданно очень по-человечески вздохнула начальница, – вот только твоя доброта и болтливость не дают тебе двигаться дальше. Ну ты посмотри, кого у нас подняли? Таньку? Да ведь она тупая как пробка. – Лицо Зои скривилось.

С Татьяной они по непонятным причинам друг друга ненавидели, и решение о переводе той в старшие продавцы далось Зое нелегко. Но начальство свыше постоянно требовало обучать новый персонал (по весне сотрудники все чаще уходили из супермаркета в поисках других, более перспективных мест, и требовались люди, которые могли бы обучать новичков), а кроме Татьяны повышать было некого: все остальные не задерживались здесь больше года.

– Зочка, – мягко прервала ее Марина, не желая выслушивать жалобы на подругу. Зоя тут же заворчала:

– Да знаю, знаю, что ты с ней дружишь. Только ты, наверное, и можешь дружить с этой стервой. В любом случае, ты же понимаешь, что если я переведу тебя в старшие, то болтать у тебя ни с кем не получится, даже с твоим кавалером, – топорно попыталась пошутить Зоя, но Марина не сразу поняла, что это шутка.

– Он не... – начала было возмущаться она, но Зоя ее перебила, махнув рукой.

– Да знаю, знаю, хотя он тобой интересовался, даже спрашивал у меня твое полное имя-отчество и дату рождения, – подмигнула Зоя. – Наверное, хотел узнать, не старовата ли ты для него.

– Ты шутишь? – обалдела Марина и почувствовала смутное беспокойство. – Зачем Петру Никаноровичу эта информация? – Но додумать не успела: Зоя, уже забывшая о старике, деловито продолжала:

– Сделаю тебя старшей хоть сегодня. У нас два стажера, еще тупее Таньки, у меня на них нервов не хватает...

– Зочка! – Марина чуть не захлебнулась от счастья и в порыве чувств обняла начальницу. Та, явно не привычная к публичным проявлениям нежности, да и вообще к нежности, одеревенела, неестественно выгнулась, а затем покровительственно похлопала Марину по спине.

– Никакой болтовни, – снова предупредила она, пытаясь выглядеть суровой, но затем все-таки не выдержала и крепко обняла Марину в ответ.

Объятия были нужны ей самой, ведь ее так давно никто не обнимал. Смутившись от собственного эмоционального порыва, Зоя так же быстро отпрянула, снова став сухой и неприступной. Пообещала, что отдаст приказ о переводе, рассказала об испытательном сроке и пообещала внимательно приглядывать за Мариной, чтобы ту снова не погубили доброта и болтливость.

После эмоционального объяснения с начальницей окрыленная Марина направилась в курилку, где тут же поделилась новостью со всеми присутствующими. Выслушав восторженные поздравления от коллег, давно твердивших, что она засиделась, Марина приступила к выполнению новых обязанностей.

Первая практикантка, Гаянэ, показалась ей очень старательной и милой девушкой, и они быстро нашли язык. Пользуясь отсутствием посетителей, она рассказала Гаянэ про шпаргалки, про документы для покупки алкоголя, про штрафы и провела небольшую лекцию в хлебном и овощном отделах, объясняя разницу между краснодарскими и испанскими помидорами.

– Как вы их отличаете? – прошептала оглушенная потоком новой информации Гаянэ.

– Краснодарские пахнут, а испанские – как пластмасса, но красивые, – хихикнула Марина, и Гаянэ недоверчиво посмотрела на новую начальницу.

За несколько месяцев это была ее третья попытка устроиться на работу. На двух предыдущих она все время попадала в ловко расставленную западню, высказывая истинное мнение об ассортименте магазина, за что и была уволена, так толком и не приступив к выполнению обязанностей. Но Марина показалась ей такой теплой и искренней, что девушка решила снова наступить на те же грабли.

– Точно, есть их невозможно. – Гаянэ улыбнулась ей в ответ, а Марина, почувствовав вдохновение от столь быстро установленного контакта, предложила девушке вернуться на кассу, по пути раскрывая маленькие хитрости.

– С семи до двенадцати пенсионерам у нас положена скидка по социальной карте, но я пробиваю ее и после полудня, мне не жалко. Зоя тоже глаза закрывает – делает вид, что не замечает. Нам мелочь, а старикам приятно. А еще я частенько спрашиваю у женщин средних лет паспорт, когда они покупают сигареты или алкоголь, – начала делиться она.

– Зачем? – Гаянэ была сбита с толку: эта теплая солнечная женщина была так непохожа на всех тех, с кем ей приходилось сталкиваться раньше. Ей одновременно хотелось довериться ей и подружиться и в то же время приходилось соблюдать дистанцию, ведь Марина была ее начальницей.

– Ну, мне это ничего не стоит, а им очень приятно, – улыбнулась Марина и бросила взгляд на часы – полдень. Сейчас придет Петр Никанорович, и ей предстоит выдержать бой с собственной совестью.

Марина решила, что быстро обрисует старику ситуацию и объяснит, почему не может больше уделять ему внимание. Так будет честно. Оставалось лишь надеяться, что он поймет.

Они вернулись за кассу, где Гаянэ прошла первое боевое крещение – пробила товары и правильно обозначила вид сдобы, найдя его код на подсказках.

Марина бросила встревоженный взгляд на входную дверь. Обычно по старику можно было сверять часы, но сегодня он почему-то задерживался. Неожиданно Марина почувствовала тревогу. А что если ему стало плохо, а рядом никого нет? До ее обеденного перерыва оставалось еще полчаса, но, будучи занятой со стажером, она пропустила две положенные ей пятнадцатиминутные паузы. Воспользуется служебным положением и приплюсует их к обеду, чтобы... Чтобы что? Отправиться на поиски Петра Никаноровича?

Да что она вообще знала о старике кроме имени? Она не имела ни малейшего понятия, даже где тот живет. Бросая время от времени встревоженный взгляд на часы, она все еще

надеялась, что Петр Никанорович просто опаздывает – мало ли дел у человека? Он обязательно придет за своим стандартным набором продуктов. Но равнодушная стрелка часов медленно переползла к часу, а старик так и не появился.

– Мариш, обедать идешь? – позвала Танька, подходя к ее кассе и окидывая полным презрения взглядом Гаянэ, немедленно смутившуюся.

– Кстати, а где женишок-то твой? Сегодня что-то не видать. Почувствовал, наверное, что ты теперь у нас бизнесвумен, ему не по зубам, – осклабилась подруга.

– Тань, я отойду на часик, без меня пообедай, – пробормотала Марина, кивая Гаянэ, успешно справлявшейся с поставленными задачами.

Она вышла из-за кассы и быстро направилась к раздевалке, на ходу снимая униформу.

– Мариша, случилось что? – Подруга посеменила за ней, но Марине не хотелось тратить время на разговоры. Тревога все нарастала.

– Да Петра Никаноровича сегодня что-то нету. Пойду поищу его, он наверняка где-то рядом живет.

– Да дался он тебе, – досадливо поморщилась Татьяна, но, увидев взгляд Марины, осеклась и предложила: – Ладно, иди, прикрою если что, помогу твоей Гюльчатай.

– Гаянэ.

– Без разницы.

Не тратя больше времени на разговоры, Марина положила униформу в шкафчик, оделась и, прихватив сумочку, выскочила из супермаркета. Остановилась на пороге, растерянно вертя головой. Куда идти?

Магазин был расположен в небольшом спальном районе, плотно утыканном пятиэтажками, по которым со все нарастающей скоростью начинал катиться каток модернизации. Старые дома шли под снос, на их месте вырастали огромные бетонные монстры, нарушая тихое очарование старого района, где во дворах все еще цвели липы, а на бульварах шелестели листвою могучие дубы.

Естественно, часа ей не хватит, чтобы обойти весь район. Но Петр Никанорович, несомненно, обитал неподалеку и был из старожилов. «Есть», – мысленно поправила себя Марина, пытаясь убедить себя, что со стариком все в порядке. Наверняка, если он провел здесь много лет, его должны знать местные кумушки.

Она решила начать обход с близлежащих домов. Возможно, в этом было и не много смысла, но это все же лучше, чем не делать совсем ничего. Если не получится разыскать его сейчас, то продолжит после работы. Несомненно, Петр Никанорович одинок, ведь будь у него дети, ему бы не пришлось каждый день ходить в магазин за столь скромным набором продуктов.

Распаленное воображение услужливо рисовало картины одну ужаснее другой. Одиному пожилому мужчине могло стать плохо, и, возможно, сейчас он лежит на полу в своей квартире и отчаянно молится, чтобы хоть кто-нибудь пришел ему на помощь. Или, может быть, у него десять котов, которые уже доедают его остывшее тело? Хотя, нет, с котами она погорячилась: Петр Никанорович никогда не покупал корм для животных.

Марина быстрым шагом пересекла паркинг супермаркета, послушно дождалась зеленого сигнала светофора, чтобы пересечь шумный проспект, и зашла в первый же двор, находившийся напротив ее места работы.

Здесь ей не повезло. Холодный зимний ветер выдул из двора всех местных обитателей, кроме двух скучающих молодых матерей с колясками, вынужденных совершать дневной моцион. Автоматически подкачивая закутанных до самых глаз младенцев, женщины были полностью погружены в собственные телефоны и не заметили появления Марины. Впрочем, одна из них даже не заметила, что ее ребенок уже давно не спит и сосредоточенно рассматривает голубое небо такими же ясными голубыми глазами.

Марина улыбнулась малышу и обратилась к девице с вопросом о старике. Та пожала плечами:

– Не в курсе, мы только переехали, но у нас в подъезде только бабка древняя – дедуль нет.

Вторая мамочка в ответ на вопрос Марины тоже покачала головой. Та, взглянув на часы, припустила в следующий двор, где на детской площадке пара малышей безуспешно пыталась взобраться на грязную мокрую горку под присмотром то ли няни, то ли бабушки. Услышав вопрос Марины, скучающая женщина дала ей подробный отчет о том, что сама живет в другом районе, а здесь у нее дочка поселилась, теперь вот она приезжает помогать пару раз в неделю с внуками, двойней, а еще пару раз в неделю те в сад ходят. Хотя глупость несусветная: неужели в детском саду им лучше, чем с родной бабушкой?

Марина попыталась пресечь поток красноречия, но женщина не дала ей такой возможности. Видимо, истосковалась по полноценному общению. Но в конце своей эмоциональной и сбивчивой тирады сообщила нечто ценное: в соседнем дворе живет местная сплетница, Антонина Савельевна. Вот уж кто все про всех знает.

Поблагодарив словоохотливую бабуся, Марина почти бегом кинулась в соседний двор. До конца перерыва оставалось меньше получаса, и ей не хотелось в первый же день на новой должности испытывать терпение Зои.

Как и предсказала новая случайная знакомая, Антонина Савельевна была на месте: грела старые кости на робком солнышке, сменившем дождь, игнорируя шквальные порывы ветра. Выглядела районная сплетница монументально: грязно-зеленое пальто с меховым воротником, два теплых платка, повязанные поверх него, и внушительных размеров трость, которую она держала перед собой, готовая в любой момент дать отпор людям с грязными помыслами.

Услыхав вопрос Марины, Антонина Савельевна вначале всплеснула руками, а затем извлекла откуда-то из недр старомодного пальто такой же старомодный огромный клетчатый платок и картинно приложила его сначала к глазам, а затем трубно высморкалась.

– Вот ведь горе-то какое! Помер Петр сегодня ночью, – отдышавшись, сообщила она.

– Как помер? – Ноги помимо воли подкосились, и Марина, рухнув на лавочку рядом с новой знакомой, едва не задохнулась от запаха старости и плохо промытого тела.

– Ну так, – пожала плечами та, говоря жалобно и плаксиво, – плохо стало ночью, сердце прихватило. Он сам «скорую» вызвал, даже до двери дополз, чтоб замок открыть. Там его и нашли. У двери, значит.

Несмотря на горечь известия, в голосе соседки проскальзывали нотки откровенного смакования. Чужая трагедия вызывает разные эмоции, и одна из них, как это ни странно, – эмоция радости. Ликования от того, что это не ее сердце остановилось сегодня ночью. И что это не она была настолько одинока, что некому было открыть эту проклятую дверь и быть рядом в последний момент, держа за руку и пытаясь в последний раз согреть отлетающую душу.

– Господи, – прошептала Марина, и слезы вдруг сами брызнули из глаз.

Она принялась совершенно по-детски смахивать их ладошкой, от чего они, казалось, начинали катиться все быстрее. Может быть, ей надо было навестить его вчера? Сама же заметила, что старик звучит и выглядит по-другому, не так, как обычно. А она отвлеклась на эту опаздывающую хамку, на собственную усталость. Равнодушие. Вот что погубит этот мир, а вовсе не глобальное потепление и пластик, как уверяет Антон.

– Как же он теперь? Это что же, – забормотала Марина, – где же он теперь?

– А я знаю? – вновь пожала могучими плечами Антонина Савельевна. – Приехала машина специальная, вынесли его в мешке закрытом, в морг, наверное, забрали.

– А потом что? – всхлипнула Марина, которой стало горько и тошно от такой вот обыденности бытия. Машина, мешок, морг. Это же все не про Петра Никаноровича, это просто какая-то условная сцена из условного фильма.

– Что «потом»? – непонимающе переспросила старуха. Она заерзала на лавке, устраиваясь поудобнее и вызывая новый приступ удушья у Марины.

– Кто же его в последний путь проводит? Он же одинокий. Нельзя же так, чтобы в общую могилу, не по-людски, – забормотала Марина сквозь слезы, хлынувшие с новой силой.

Как назло! Где тонко, там и рвется, все одновременно валится. Именно сейчас, когда ей так нужны деньги на лагерь для дочери, ей придется часть из них отдать на похороны чужого ей старика. Впрочем, он не был чужим. В последние несколько лет она видела его чаще, чем собственного мужа. И она совершенно точно не позволит ему завершить свой земной путь в одной яме с бомжами.

– Да как же одинокий? Вон сын его приехал, – удивленно ответила Савельевна, кивая на огромную роскошную машину, припаркованную прямо возле подъезда. И тут же спохватилась: – А вы сами кто ему будете?

– Сын? – Марина так и застыла с отвисшей челюстью. У милого Петра Никаноровича был сын, бросивший отца в одиночестве на произвол судьбы? Ну сейчас он у нее попляшет!

Словно шутиха, запущенная умелой рукой в новогоднее небо, Марина взвилась и громко потребовала:

– Номер квартиры?

– Тридцать пять, – растерянно доложила Антонина Савельевна, решительно отказывавшаяся что-либо понимать.

Нудный и противный сноб Никанорыч, не жаловавший соседей и цедивший сквозь зубы лишь приветствия при встрече, долгие годы жил в полном одиночестве. А тут вдруг такой крестный ход, не успел покойничек остыть. Неужели наследство какое оставил? Хотя что с него взять? Пальто молю траченное?

Но любопытство жгло изнутри. Если бы не больные ноги, не дававшие ей подняться выше собственного первого этажа, Антонина Савельевна наверняка последовала бы за странной женщиной, со всех ног бросившейся в подъезд и так и не ответившей на вопрос, кем она придется покойному, но рыдавшей так искренне, что сомневаться не приходилось – они близко знакомы. Может, любовница? А что, кого сейчас удивишь такой разницей в возрасте? Ай да Никанорыч, ай да сукин сын! Так вот почему он игнорировал все ее попытки свести знакомство поближе.

Не утерпев, старуха с трудом поднялась с лавки и, опираясь на толстую палку, заковыляла к подъезду в надежде уловить хотя бы драгоценные крупинки потенциального скандала.

Марина тем временем взлетела на четвертый этаж и решительно толкнула обитую выдавшим виды дерматином дверь, рядом с которой красовался облезлый латунный номер 35, и вошла в квартиру.

Прихожая была под стать обшарпанному дому. Пожелтевшие обои в цветочек, местами отошедшие от стен. Крошечное пространство, где кучно ютились аккуратная подставка для обуви, зеркало и небольшая полочка для мелочей. Рядом с ними – кованый держатель для зонтов. Почему-то этот старомодный утонченный предмет вызвал новый поток слез. Старик стремился к прекрасному, вот только возможностей у него для этого не было.

Все это Марина отметила автоматически, пока, не снимая обуви, фурией пронеслась через прихожую и ворвалась в зал, посреди которого стоял высокий стройный мужчина. Он смотрел в окно и не обернулся, услышав чьи-то шаги. Руки сцепил за спиной, а голову опустил, словно кающийся грешник. И поделом!

– Да как же вы могли! – от всего сердца с негодованием воскликнула Марина и застыла, словно не вовремя обернувшаяся жена Лота.

Мужчина повернулся, и она оказалась лицом к лицу с Глебом Петровичем, собственным работодателем. Слова застряли в горле, а неизменное непроницаемое выражение лица Глеба сменилось искренним удивлением:

– Ма... – Как же ее звали-то, эту тетку, моющую туалеты? Маша, Марина, Марианна, прости господи?

– Глеб Петрович... – Та тоже выглядела ошарашенной и, внезапно растеряв всю воинственность, забормотала: – Я не знала, что вы сын Петра Никаноровича, как же это так... Придите мои соболезнования. Я думала, что он одинок.

– А что вы здесь делаете? – Глеб первым пришел в себя и с подозрением уставился на прислугу. Вот уж с кем отец никогда не водил знакомств, так это с полемойками. Не его полета птицы. И все же она здесь.

– Я... я знала вашего папу, – пояснила Марина, – мы с ним каждый день общались.

– Вы с ним общались? – растягивая в несвойственной ему манере слова, Глеб сделал шаг по направлению к Марине и оказался совсем близко. У той перехватило дыхание от горьковатого парфюма.

Холеный красавец Глеб выглядел этакой дверью в Нарнию, через которую из серого и убого крошечного мирка хрущевки, где сегодня утром в одиночестве умер его отец, можно легко шагнуть в удивительную волшебную вселенную, населенную красивыми богатыми людьми. Вселенную, где таким, как Марина, не место. Именно поэтому он так удивился сейчас узнав, что она вообще могла общаться с его отцом.

– Да, общались! – с вызовом ответила она. И, уже понимая, что ступает в пропасть, не удержалась: – В отличие от вас. Все эти годы вашему отцу даже слово было молвить не с кем! Он каждый день приходил в магазин, где я работаю, покупал на жалкие гроши минимальный набор продуктов и разговаривал со мной. Потому что был безумно одинок. И умер он тоже в одиночестве! – немного повысив голос, Марина все-таки выплеснула накопившееся.

– Что вы сейчас пытаетесь сказать? Что я дерьмовый сын? – Глеб слегка нахмурился и стал волшебным образом еще красивее.

– Я пытаюсь сказать, что нельзя бросать отца в таком возрасте в полном одиночестве! Если бы вы были рядом, возможно, он бы остался жив.

– Да что вы знаете обо мне и моем отце? Может быть это он был дерьмовым отцом? И кто вы вообще такая, чтобы судить? – отбросив в сторону светские приличия, рявкнул Глеб, давая себе волю и выплескивая боль, разочарование, стресс и страхи, мучавшие его последние год.

– Кто я такая? – захлебнулась Марина и осеклась, горько продолжив после секундной паузы: – Наверное, в вашем мире я никто. Просто кассир из супермаркета, к которой ваш отец каждый день приходил перекинуться парой слов.

– Ну надо же, удостоил вас такой чести, – скривив губы, процедил Глеб, а Марина с трудом удержалась, чтобы не отвесить ему пощечину.

– Да, удостоил. И я этому рада. Он был прекрасным, умным, интеллигентным человеком, с которым всегда было приятно пообщаться, в отличие от вас, – с достоинством кивнула она. – И не вздумайте отправить собственного отца в общую могилу, я прослежу за тем, чтобы его похоронили достойно!

– Марина, – Глеб неожиданно вспомнил, как звали нахалку, – сегодня утром Ксения сказала мне, что вы попросили дополнительную работу? Кажется, моя жена предложила вам мыть туалеты на втором этаже, если вы пройдете испытательный срок.

Марина с трудом заставила себя поднять глаза на работодателя, уже холодея внутри и предчувствуя беду. Вместо ответа она молча кивнула.

– Так вот, Марина, я предлагаю вам немедленно заняться поиском нового рабочего места. Мы в ваших услугах больше не нуждаемся, – отрезал Глеб, скрещивая руки на груди и снова

поворачиваясь к окну, давая понять, что разговор окончен. Он и так потратил на ее бред и оскорбления непозволительно много времени.

– Сволочь, – тихо прошептала Марина, но Глеб расслышал. Повернувшись, он улыбнулся ей неожиданно мальчишеской улыбкой и кивнул:

– Может быть, я и сволочь, а ты никто и звать тебя никак. Убирайся.

Предчувствуя новый поток слез, Марина резко развернулась и бегом бросилась прочь из квартиры. Она не должна позволить этому мерзавцу увидеть свои слезы. Ничего, как-нибудь все решится и без их унитазов. Она обязательно что-нибудь придумает, уж полумойке найти работу не проблема. А за похоронами и последними почестями покойнику она обязательно проследит, как и пообещала Глебу. И если этот мерзавец попробует тихо избавиться от отца, она ославит его на весь город.

Кипя праведным гневом, Марина бросила взгляд на часы и обнаружила, что до конца перерыва осталось всего пять минут.

– Что там, милая? – сочась от нетерпения потребовала Антонина Савельевна, поджидавшая ее на ступеньках лестницы, которую так и не смогла преодолеть в тщетной попытке подслушать будоражащую кровь трагедию.

Марина резко остановилась и уставилась на пожилую женщину. Сомневаться не приходилось – скажи она что-нибудь ей сейчас, к вечеру об этом непременно узнает половина района. И хотя обычно Марина сплетни не распространяла и старалась их избегать, в этот раз терять ей было нечего.

– Вы уж проследите, чтоб этот мерзавец отца в общую могилу не отправил, а то он и не на такое способен! – заговорщицким тоном попросила она, доставая из огромной сумки потрепанный блокнот, выдирая из него лист, доставая ручку и наспех записывая свой номер. Она протянула лист Антонине Савельевне:

– Если только попробует, сразу звоните мне: я сама обо всем позабочусь!

– Батюшки, – всплеснула руками Савельевна, беря лист и отводя его подальше, чтобы попытаться без очков разглядеть то, что там написано.

Но прежде чем она успела задать тысячу и один уточняющий вопрос, Марина выбежала из подъезда и припустила бегом к супермаркету, стараясь не обращать внимание на моментально сбившееся дыхание и прохожих, оглядывавшихся ей вслед. И на слезы, бегущие по щекам помимо воли. Все пропало. Она за десять минут почти разрушила жизнь дочери. Но, несмотря на сложную ситуацию, на душе отчего-то стало светло и радостно. Словно давно копившееся горе и отчаяние неожиданно покинули ее вместе со слезами.

Марина и вспомнить-то не могла, когда в последний раз плакала – все больше старалась идти по жизни с улыбкой. Много раз убеждалась, что так легче переносить жизненные трудности. Стоит разрешить себе погрузиться в пучину отчаяния, как та чавкающей трясинкой потянет на дно, от которого уже не оттолкнуться. А стоит в ответ на беду глубоко вдохнуть и выдохнуть, после чего силой заставить себя улыбнуться собственному отражению в зеркале, так и трясина беды становится более плотной, и по ней уже можно осторожно доползти до суши.

Она обязательно что-нибудь придумает. К тому же работа с ужасными химикатами только вредила ее здоровью, давно надо было подыскать что-то другое, а она все тянула. Теперь вот будет стимул заняться. Так что все случившееся однозначно к лучшему.

Равнодушных не осталось. Даже молоденький Виталик, пришедший всего три дня назад стажироваться на должность охранника, пообещал завтра притащить «сто баксов из заначки» и смутился в ответ на горячие обещания Марины вернуть деньги при первой же возможности.

Изначально Марина не собиралась никого посвящать в свои проблемы. Обычно это ей все плакались в жилетку, будучи уверенными, что дальше нее информация не пойдет. А тут она сама не выдержала. Прибежала зареванная в последнюю минуту, встала к стажеру на кассу и на первом же перекуре сдалась под напором Татьяны, выведывавшей, что произошло. Спустя полчаса сарафанное радио разнесло новость по всему магазину, а на следующий день люди начали нести деньги. Кто сколько мог, но капля за каплей собиралось вполне себе приличное озеро.

У Марины кружилась голова. Еще вчера она плакала от отчаяния, а сегодня слезы текли от радости. Поводов было хоть отбавляй: утром она выспалась, сыпь на руках значительно уменьшилась. Некоторые волдыри все же лопнули, но остальные стали заживать. Коллеги все, как один, высказали желание помочь ей. Хотелось порхать и смеяться.

Еще вчера вечером при разговоре с ближайшей подругой Валентиной она не выдержала и все-таки пожаловалась на полосу невезения, а сегодня с утра ошарашила ту, что жизнь вполне себе прекрасна и налаживается. Валентина, будучи женщиной хозяйственной и практичной, а также всегда приветствующая любое собрание людей, предложила Марине отблагодарить сотрудников за отзывчивость, накрыв стол, причем сегодня же.

Марина смутилась. Ей, конечно, такая мысль приходила в голову, но она ее решительно отвергла: людей надо принять по-человечески, а денег на это нет, каждая копейка на счету. Но подруга бодро попросила довериться ей: она все организует и еще небольшого барашка в бумажке подберет. Это будет ее вклад в Кирусино будущее. Марина рассмеялась.

Какое счастье, что у нее есть Валентина и все эти люди! Какое счастье в принципе, когда есть кому довериться и с кем разделить груз проблем. Она абсолютно счастливый человек!

Валентина работала удаленно редактором, и вся ее жизнь протекала в обществе двух огромных зажавшихся котов. Впрочем, это, как она утверждала, был выбор самой Валентины ведь реши она обзавестись спутником жизни, ей для этого стоило просто выйти на улицу. Мужчины к ее ногам складывались штабелями, несмотря на пятьдесят второй размер одежды, отсутствие макияжа и полное презрение к собственной внешности.

Стоило Валентине пойти в поликлинику на прием к врачу, как тот непременно в нее влюблялся. Сантехник всегда возвращался под предлогом забытого инструмента. В издательстве вообще было страшно появляться. После того, как Валентина два раза проехала в лифте с генеральным директором, тот был близок к тому, чтобы бросить молодую жену и предложить руку и сердце Валентине.

Но она не хотела. Ей было лениво, как она объясняла подруге. Котики и мягче, и приятнее, а главное, жрут молча, что дают, и носки не разбрасывают.

В перерывах между работой Валентина вдохновенно кашеварила, а Марина стеснялась намекнуть подруге, что если так пойдет и дальше, то в лифт собственного дома Валя скоро войти не сможет. Казалось, здоровье Валю тоже не волновало. Марина не знала, чем руководствуется подруга и на что надеется, но одно она знала совершенно точно – если Валя предлагает накрыть на стол, то можно ни о чем не волноваться: он получится царским и обойдется в три копейки.

Запасные ключи от их квартирki у подруги имелись, и Марина расслабилась, полностью положившись на Валентину.

Принимая очередной конверт и аккуратно записывая в тетрадку, кто и сколько денег ей одолжил (о том, как она будет расплачиваться, Марина старалась не думать – Бог не выдаст, свинья не съест), она тут же приглашала добрую душу заглянуть к ней домой на скромное чаепитие. Все с удовольствием соглашались, интересуясь, что принести. Марина решительно отвергала дары и просила человека просто появиться лично. Все обещали, и только Зоя отказалась. Быстро войдя в комнату, где Марина собирала будущие долги, она резко протянула конверт и приказала:

– Это не обсуждается, я могу себе позволить.

– Хорошо, – опешила Марина, хотя Зоя была последней, от кого она ожидала помощи.

У самой хлопот полон рот, на фоне которых проблемы с заграничными теннисными лагерями казались просто издевательством. Но Марина понимала, что для Зои важно не стать исключением, подтвердить собственную нормальность и состоятельность. Поэтому она не стала спорить с начальницей и лишь озвучила приглашение на вечерний чай. Та в ответ драматично хохотнула:

– Ты что, хочешь всех гостей распугать? При моем появлении они разбегутся.

– С чего ты взяла? – искренне удивилась Марина. – Ты зря думаешь, что весь коллектив тебя ненавидит. Вовсе нет, к тебе хорошо относятся. Пара ссор с Татьяной не в счет. Она даже со мной иногда ссорится – просто человек такой. Так что не выдумывай и приходи!

– Я не люблю ходить в гости, – продолжала держать оборону Зоя.

– Но нельзя же так, – мягко возразила Марина. – Ты молодая женщина, а у тебя работа – дом – работа. Света белого не видишь!

– Можно подумать у тебя каждый день культурная программа, с театра на концерты перепархиваешь, – ощерилась Зоя и отвернулась, закусив губу, чтобы не дать волю эмоциям. Кроме Марины никто не знал про ее больную мать и ребенка инвалида.

– Ну, у меня хотя бы есть разнообразие в виде турниров, – мягко возразила Марина и примирительно предложила: – Может, сына с собой возьмешь?

– Ты что? – опешила Зоя, словно Марина предложила ей страшную непристойность. – Чтобы все узнали?

– Ну узнают, и что? – горячо принялась уговаривать ее Марина. – Ты его любить меньше от этого станешь, что ли?

– Нет, конечно, но как это... нельзя... – забормотала Зоя, никогда, собственно, не задававшая себе вопрос, почему она скрывает сына-инвалида. Ей было стыдно. Что она такая неудачница, которую бросил муж, и что у нее ребенок не такой, как все.

– Ты вообще часто с ним выходишь? – вдруг осенило Марину.

Она жалела Зою и не держала зла на начальницу, даже если та бывала несправедлива. Но она никогда не задавала себе вопрос, а как Зоя, собственно, живет. На что похожа ее жизнь в четырех стенах с двумя людьми, полностью зависящими от нее? Марине тут же стало стыдно за собственный эгоизм.

– Выхожу, когда стемнеет, – кивнула Зоя и настойчиво сунула Марине в руки конвертик. – Спасибо, но я сегодня не смогу.

– Зоя, никто не будет смеяться. Наоборот, они поймут, – мягко, словно неразумного ребенка, принялась уговаривать ее Марина. – И маму бери. И сыну хоть какое-то развлечение будет. Думаешь, он сам не понимает, что ты его от людей скрываешь?

Ничего не сказав и так и не обернувшись, начальница вышла из комнаты. Марина хотела было последовать за ней и снова попробовать все объяснить, но тут же зашла новенькая, Гаянэ, и, стесняясь, молча протянула несколько сторублевых купюр.

– Да что ты, что ты! – замахала руками Марина. Она знала, что девочка приехала в город из какой-то глуши, снимает угол в коммуналке и в этих деньгах отчаянно нуждается сама.

– Возьмите, возьмите, – начала твердить та как заведенная. – Я как все, пожалуйста, возьмите.

Поколебавшись, Марина протянула руку, решив, что завтра же что-нибудь соврет и вернет долг девчонке.

– Приходи ко мне сегодня вечером, чаю попьем.

– Нет, не надо, – так же, как и Зоя, забормотала та и залилась жарким румянцем.

– Нечего стесняться, там пара человек всего будет, все свои! – тут же решительно махнула рукой Марина, увидев улыбку на застенчивом личике Гаянэ. Та, немного поколебавшись, согласно кивнула.

По поводу пары человек Марина погорячилась. В их крошечную квартирку набились почти все сотрудники супермаркета. Марина с горечью отметила, что Зои среди гостей нет, но расстраиваться не стала. Это ее собственный выбор, пусть делает так, как считает нужным.

Разрумянившаяся Валентина, собрав в аккуратную улитку (на кухне все должно быть стерильно!) тяжелые волосы цвета турецкого золота, обещающего вечную любовь, что исчезает на рассвете, сновала между гостями, представляясь тем, кого не знала, и кокетливо стреляя глазками во всех мужчин, появлявшихся на пороге. Словно сошедшая с ума скатерть-самобранка, она метала на стол все новые яства, почти полностью покрыв разносолами поверхность старого раскладного стола.

Марина распознала домашние заготовки: соленые помидоры и огурцы, на которые Валя была большая мастерица, лечо, маринованные баклажаны, икра из них же (подруга всегда морозила овощи в промышленных масштабах и среди зимы любила порадовать Марину летними и осенними лакомствами), консервированные салаты, морковка по-корейски, гренки со шпротами, кокетливо украшенные веточками петрушки и выглядящие даже более аппетитно, чем традиционные бутерброды с икрой, которых Марина не видела уже много лет. Буйство намазок из самых простых и доступных ингредиентов: плавленых сырков, яиц и еще чего-то, что Маринина фантазия просто отказывалась распознавать. И все это Валентина соорудила за полдня?

Быстро поцеловав подругу в щеку, она прошептала ей на ухо:

– Валюша, ты королева!

– Ой, да брось ты, так, наметала на скорую руку, – приосанилась она и тут же переключилась на Николаича, начальника охраны: – Так, мужчина, вот вы, садитесь во главе стола, нам как раз тут красивого мужчины не хватает.

Марина с трудом сдержала улыбку. Назвать Николаича красивым могла лишь несчастная жертва катаракты. Невысокий, с ушами, торчавшими перпендикулярно лысому черепу, с настороженным взглядом острых мышиных глазок, которые, казалось, сканировали и ощупывали лица всех и каждого, пытаясь рассмотреть на них все пороки мира. Говорил Николаич односложно и в основном междометиями. Наверное, даже собственная мать не отваживалась бы назвать его «красивым мужчиной», а Валентина даже не поперхнулась, чем заслужила пристальный взгляд глазок-буравчиков и легкое движение челюстью, напоминающее крокодилье. Надо будет предупредить Валентину, что Николаич – это не влюбленный ортопед из поликлиники: сожрет и не поперхнется.

Но не успела Марина додумать здравую мысль, как к ней подошла Кира и, мягко взяв мать за руку, потащила ее в сторону своей спальни, зашипев на ходу:

– Мама, что происходит?

– Ничего, доченька, просто все эти люди решили помочь тебе, ну а мое дело – просто сказать им спасибо, – тихо прошептала Марина в ответ, плотно притворив за собой дверь в комнату дочери. Конечно, ей стоило сказать Кире все заранее, но она понятия не имела, что Танька бросит клич о помощи и люди так охотно откликнутся.

– Помочь мне? – непонимающе переспросила Кира, а Марина, взглядываясь в тоненькое личико, с грустью отметила, что тени под глазами дочери стали гуще, а кожа лица – еще тоньше.

– Да, видишь ли, так получилось, что вчера я лишилась второй работы. Они об этом узнали и решили дать нам займы немного денег, чтобы ты могла поехать в лагерь, – кратко пояснила она, протягивая руку и отводя прядь волос с лица Кире.

– Это правда? – Дочь внезапно сделала шаг назад и побледнела.

– Да! – кивнула Марина, уже предчувствуя беду.

– Мама, но я же не просила тебя побираться! Я могу выиграть и без этого дурацкого лагеря, – начала заводиться уставшая Кира.

Тренировка сегодня выдалась особенно сложной, она даже два раза упала на корте в безуспешной попытке догнать ускользающий мяч. Еще и после занятий Борис заставил ее съесть почти килограмм яблок и гранат, которые она ненавидела. Все, чего ей сейчас хотелось, – это рухнуть в постель и забыться в тяжелом сне до обычного пробуждения на пробежку и утреннюю тренировку, поэтому наличие гостей в доме не обрадовало, несмотря на стряпню тети Вали. Ведь услышав о том, что мать, как нищенка, решила собрать денег с малознакомых людей, Кира моментально лишилась аппетита.

– Я знаю, милая, конечно, ты можешь выиграть. И я вовсе не собиралась просить денег, я никого не просила, это просто тетя Таня...

– Мама! Ты понимаешь, что ты натворила? – вдруг ударилась в слезы Кира. – Как я себя теперь буду чувствовать? Теперь все будут знать, что мы нищие, и потом до конца жизни будут рассказывать, как помогли мне стать звездой!

– Ну и что? – искренне удивилась Марина. – Пусть рассказывают, что здесь такого? В правде нет ничего постыдного. Мы ведь действительно не миллионеры.

– Мама, ну как же ты не понимаешь? Это очень страшно...

Кира не успела договорить, как раздался звонок в дверь. Это слегка удивило, потому что дверь была не заперта и вновь прибывающие вливались через нее в квартиру, уже не заботясь о том, чтобы поставить в известность хозяев. Кто-то выбегал покурить на площадку или поговорить по телефону, дверь хлопала, гоняя сгустившийся воздух. И вдруг звонок.

Марина ему обрадовалась: хороший повод сбежать и отложить выяснения отношений до того момента, как она придумает веские аргументы для успокоения дочери.

Кинув извиняющийся взгляд на дочь, Марина поспешила покинуть ее комнату, но Кира последовала за ней. Тишина, наступившая в небольшой гостиной, озадачила хозяйку, но едва та перевела взгляд на распахнутую входную дверь, как все стало ясно.

На пороге квартиры стояла Зоя, вцепившаяся побелевшими костяшками пальцев в ручки старенькой инвалидной коляски, на которой сидел парень лет шестнадцати. Точный возраст было сложно определить. Неимоверно исхудалое тело сына Зои было изуродовано ДЦП: ноги крепко прижаты друг к другу, а вот руки никак не могли найти удобное место и напоминали лапки кузнечика.

– Зоя! – Марина попыталась ничем себя не выдать. – Я так рада, что вы пришли! Проходите, а это...

– Это мой сын, – громче, чем того требовали обстоятельства, с вызовом объявила Зоя и обвела взглядом присутствующих.

– Павел, – неожиданно теплым густым голосом, никак не вязавшимся с тщедушным изуродованным телом, представился парень.

– Так, Павел будет сидеть напротив красивого мужчины, – распорядилась Валентина, вплывшая в комнату с огромным блюдом в руках, где лежали запеченные овощи, а посередине красовалось нечто, что Марина не смогла опознать, но издававшее такой умопомрачительный аромат, что рот помимо воли наполнился слюной.

Валя и бровью не повела в отличие от всех присутствующих, которые, казалось, растеряли все приличие и глазели на одиноко стоящую в дверях Зою, продолжавшую судорожно сжимать ручки коляски.

– Мы пойдем, – вдруг объявила та и принялась неловко разворачивать коляску сына.

– Куда это вы собрались? – бойкая Танька первая пришла в себя. В два шага приблизилась к начальнице и посмотрела ей в глаза: – Вы что это, Зоя Пална, хотите лишить нас возможности пообщаться с начальством в неформальной обстановке и наконец-то наладить дружественные связи? Нет, мы вас просто так не отпустим. Правда, ребята?

Она повернулась к гостям и те, словно утки, вдруг загомонили:

– Правда, правда, Зоя Павловна, оставайтесь, проходите, садитесь.

– Марина, а ну наливай штрафную, – залихвацки распорядилась Танька, становясь рядом с Зоей и помогая ей вкатить коляску с сыном в крошечную комнату. Мужчины тут же засуетились, расчищая пространство, а Кира, воспользовавшись суматохой, приблизилась к матери и злобно прошептала на ухо:

– У них ты тоже взяла деньги?

– Кира, я все объясню, – залопотала Марина. Она знала, что сын Зои болен, но та никогда не распространялась на эту тему.

Марина была не в курсе ни заболевания, ни возраста парня и не осознавала весь масштаб катастрофы. Теперь ей было мучительно стыдно за то, что она взяла деньги у начальницы. Если бы она только знала!

Кира, заметив ее замешательство, покачала головой и, скользнув мимо матери, подошла к Павлу. Уставилась парню в лицо, а затем, осторожно взяв его руку, пожала ее кончиками пальцев:

– Кира. Ты правда хочешь тут тухнуть, или пойдем ко мне что-нибудь посмотрим?

– Что-нибудь посмотрим, – мгновенно отозвался парень и сделал попытку улыбнуться.

Ему это не удалось: лицо словно исказила гримаса боли, а у Киры на краткий миг защемило сердце. С присущим подросткам эгоизмом еще несколько минут назад она была уверена, что на всем белом свете нет человека несчастнее нее: ее мать вынуждена ходить с протянутой рукой, чтобы оплатить ее обучение. Но стоило ей увидеть Павла, как где-то внутри, на задворках сознания, раздался вполне взрослый стук, потрясший девочку. Нет, оказывается, она не самая несчастная в этом мире. Она жива, здорова, у нее есть руки, ноги, голова и талант. Да, денег не хватает, но это дело наживное, иногда можно и наступить на горло собственной гордости и взять протянутую руку помощи. А вот Павел... Дальше она не хотела думать.

– Моя комната там, – она кивнула тете Тане, и та вместе с матерью Паши покатила коляску в указанном направлении.

– Ты не против? – вспыхнула Зоя, поравнявшись с Мариной.

Ей нелегко далось это решение. Она полдня обдумывала слова Марины и поняла, что в них есть резон. Да и Пашенька, целыми днями сидевший возле окна и глядевший на мир, которого был лишен, все больше вызывал жалость. И сама она тоже не помнила, когда в последний раз была в гостях и говорила с кем-то кроме безумной матери и сына. Их никто не приглашал, а самой открывать двери и приглашать посторонних в свой личный ад не очень-то хотелось.

По пути к Марине она несколько раз чуть не свернула с намеченного пути, будучи истерзанной любопытными и бестактными взглядами прохожих. Затем отчаяние сменилось глухим упрямством и желанием действовать наперекор всему миру. У ее сына здоровый дух, просто он заключен в нездоровом теле, но Паша тоже имеет право на маленькие радости.

Зоя не была слепой и не могла не заметить неприкрытый восторг сына: мама впервые решилась взять его куда-то кроме больницы среди бела дня, не скрываясь в темноте, словно каждый раз, выходя из дома, они совершали что-то нелицеприятное, постыдное, что необходимо было скрывать. Павел был настолько воодушевлен этим фактом, что не замечал происходящего вокруг – бестактных жестокосердных людей и их без ножа режущих сердце взглядов – и лишь сыпал вопросами: эта Марина, кто она? Почему она их пригласила? Будет ли там много людей? Чем занимается ее дочь? Она действительно настолько крута, что ей нужно ехать за границу? В конце концов Зоя не выдержала:

– Давай ты все вопросы задашь сам, когда мы туда придем?

Почувствовав настроение матери, Паша примолк, и остаток пути они проделали молча. Парень лишь жадно глазел по сторонам, стараясь впитать мельчайшие детали: как выглядят обшарпанные здания, как зеленеет первая трава, пробиваясь сквозь серую грязь и слякоть на

том, что было задумано как газон. Как одеты люди, что они несут в руках. Тысячу оттенков белого и синего, разукрасивших зимнее небо. Все это он будет потом вспоминать и перетирать годами, пытаясь вновь ощутить деликатное касание ветра и легкие солнечные лучи. Зоя это прекрасно знала и понимала, хотя сын никогда не жаловался на жизнь и, в отличие от нее, был оптимистом, умудряющимся разглядеть хорошее даже в самых мрачных жизненных ситуациях.

Ожидая ответа, Зоя тяжелым взглядом уставилась на Марину.

– Почему я должна быть против? – пожала плечами та. – Паше будет интереснее с Кирой, да и она нудится со взрослыми. Пусть идут, ну, а тебе штрафная.

Спустя полчаса крошечная квартирка напоминала кастрюлю с варящимся супом. Все кипело, бурчало, переливалось, а порой и выплескивалось за край. За первой штрафной подтянулись тосты. Многие пришли со своими горячительными, что пришлось как нельзя кстати, потому что скромные запасы Марины истощились за полчаса.

Женщины разругались, а мужчины раздухарились (даже Николаич позволил себе расстегнуть пуговичку воротника, что в его случае было немыслимой фривольностью). И лишь бабушкина вышивка, украшающая обшарпанные стены, с укором взирала на все происходящее.

– Спастика дилегия? – Кире с третьего раза удалось повторить то, что сообщил ей Паша. И в третий раз это прозвучало даже уважительно.

Вначале она пожалела парня. На него все пялились как на экзотическую зверюшку в зоопарке, разве что палочкой не тыкали. На долю секунды она вдруг почувствовала, что чувствует Павел, и кинулась на его защиту, ведомая каким-то таинственным инстинктом.

Сначала Кира подумала, что у человека с неработающими руками и ногами непременно должен страдать и мозг, и ей захотелось защитить его от окружающих, как маленького ребенка. Но вскоре выяснилось, что мозг Павла намного превосходит ее собственный и парень относится ко всему происходящему с пониманием и даже неким здоровым цинизмом.

– Это моя комната, – неловко сообщила Кира, когда за Зоей и мамой закрылась дверь. – Я играю в теннис.

Она махнула рукой на стену с навесными полками, уставленными различными кубками, медалями и увешанную портретами прославленных теннисистов. Поймав укоризненный взгляд Рафаэля Надаля, Кира вдруг устыдилась. Зачем она говорит об этом Паше? Где он, а где теннис? Нашла тему для разговора, идиотка! Нужно срочно придумать что-то другое.

– А это мой компьютер, – невпопад ляпнула она, махнув неопределенно в сторону стола в неловкой попытке сменить тему.

– Компьютер? – слегка нараспев переспросил Павел, и Кира тут же пустилась в объяснения:

– Да, я на нем домашнее задание иногда делаю, ну или в интернете лажу.

И вдруг Павел рассмеялся. Веселый беззаботный смех никак не вязался с убогой фигурой в инвалидной коляске. Кира повернулась и уставилась на парня:

– Что смешного?

– Не переживай, голова у меня работает, у меня сохранный интеллект, – вдруг совершенно нормальным голосом сообщил он, – только ноги и руки подкачали. Так что я знаю, что такое компьютер и что с ним делают. Я сейчас начал программирование изучать. Уже есть несколько идей, какие приложения можно сделать. Я надеюсь, что так смогу немного подработать и помочь маме. У нее кроме меня еще бабушка есть, а с ней совсем тяжело.

Паша поведал все это таким безыскусным будничным тоном, что Кира моментально почувствовала, как исчезает неловкость и напряжение от общения с незнакомым больным подростком. Вдруг показалось, что она знает Пашу целую вечность и что это просто друг, с которым у нее уже давно не было возможности поболтать.

Разом растеряв всю воинственность и выдохнув, Кира села на старенькую кровать:

– Круто, – подумав, объявила она, – а моя мама только и тратит на меня, я ничего пока не могу заработать. И не знаю, когда смогу. Вот приходится у людей деньги просить, а мне стыдно.

– Чего стыдиться? Когда люди помогают, они делают это в первую очередь для себя. Им от этого хорошо. А если человек не хочет помогать, то он и не станет, – убежденно возразил Павел.

– Наверное, – задумалась Кира, обдумывая сказанное. Она никогда не смотрела на этот вопрос с такого ракурса. Просьба о деньгах казалась ей унижением собственного достоинства.

– Да точно тебе говорю, каждому приятно знать, что он помог пробиться таланту. А ты, когда станешь первой ракеткой мира, осыплешь свою маму миллионами в благодарность, ей ведь просить еще сложнее, чем тебе, – пошутил Паша и попытался улыбнуться, но улыбка снова вышла похожей на оскал.

– Я никогда не стану первой, – грустно покачала головой Кира, переводя взгляд на стену, откуда ей лучезарно улыбалась юная Мария Шарапова. – Просто я маме этого не говорю, чтобы не расстраивать. У нас нет денег на поездки за границу, а без денег, лагерей и тренировок в теннисе делать нечего.

– Зачем же ты тогда этим занимаешься? Тренируешься каждый день, едешь по соревнованиям? – серьезно спросил Паша, а Кира перевела удивленный взгляд с Маши на парня.

– Потому что я хочу стать первой, – терпеливо пояснила она очевидное.

– Но ты же говоришь, что не станешь. Зачем тогда тратишь время и силы? Лучше сейчас все бросить. – Павел неловко пожал плечами, словно дивясь такой нелогичности.

– Не буду я ничего бросать, я могу стать лучшей, – упрямо повторила Кира.

– Ну нет, без денег это невозможно. Нужно ездить на международные соревнования и в лагеря, а раз ты этого не делаешь, считай, что тебя уже обошли другие, – повторил Павел сказанное за пару минут до этого самой же Киной.

– Ну и что? Я все равно стану, я талантливая, – Кира повысила голос, стараясь предупредить дальнейшие возражения и аргументы со стороны нового знакомого, – ты просто ничего в этом не понимаешь!

– Нет, я понимаю. – И снова оскал, на этот раз показавшийся Кире пугающим. – Это ты не понимаешь. Ты можешь и станешь первой ракеткой, ты же сама в этом уверена, да и меня уже убедила. При таком настрое ничто и никто не сможет тебе помешать. А деньги – это ерунда. Сегодня их нет, а завтра есть.

Кира осеклась, а через секунду рассмеялась. Парень внезапно показался ей очень симпатичным и вызывал желание продолжить беседу.

– А что с тобой? – немного поколебавшись, она неопределенно мотнула головой в сторону инвалидного кресла. И тут же смутилась: – Не хочешь – не говори.

– А мне скрывать нечего, – снова усмехнулся Павел, – спастическая диплегия. Это самая распространенная форма ДЦП. У меня поражены участки мозга, которые отвечают за двигательную активность. Поэтому у меня полностью парализованы ноги, а руки не всегда слушаются.

– Это лечится? – задала идиотский вопрос Кира и тут же обругала себя: ну что она к нему пристала?

– Я бы мог тебе сказать «нет» так же, как ты сказала мне. Но я не буду этого говорить. Я надеюсь, что в скором времени найдут решение и меня вылечат. Или, если бы я мог пойти в университет, я бы сам его нашел.

– А почему ты не пойдешь? – удивилась Кира. Пару минут назад ей казалось, что с такой силой воли больному парню все подвластно.

– Потому что я учусь дома, а для поступления в хороший университет нужны сильные репетиторы, на которых у мамы не хватает денег. Я бы хотел учиться где-нибудь за границей. Для этого мне нужно выучить английский и уже на английском учить остальные предметы.

Оба впали в задумчивость. Спорадические взрывы хохота, доносившиеся из гостиной, слились для них в монотонный гул, служивший отличным фоном к размышлениям. Каждый думал о своем. Кира – о том, как ей повезло быть здоровой. На фоне Пашиной жизни ее проблемы с лагерем вдруг показались сущей ерундой. А Павел размышлял о том, что как же здорово поговорить с кем-то кроме мамы и бабушки. И вообще с кем-то поговорить, ведь мама целыми днями пропадала на работе, а бабушка большей частью пребывала в другом мире.

Синхронные размышления подростков прервал звонок в дверь.

Кира и Паша переглянулись.

– Кто-то еще пришел, – махнула рукой Кира и осеклась.

Уж слишком быстро за дверью ее спальни воцарилась тишина: что-то явно происходило. Быстро взглянув на Пашу, она пробормотала:

– Я посмотрю.

Подойдя к двери, она тихонько приоткрыла ее и уставилась на мужчину невысокого роста, дорого и несколько вычурно одетого. Он смотрелся совершенно чужеродным элементом в их скромной квартире.

Этакая претензия на морского волка в льняном пиджаке, наподобие тех, что носят возрастные модели в рекламе парфюма с ароматом морского бриза. Белоснежная рубашка и идеально отглаженные брюки. В руках мужчина держал портфель, а на мизинце правой руки поблескивала печатка. Мужчина выглядел настолько картинно и нереально, что на миг Кире показалось, что это актер, случайно забредший к ним с киностудии, находившейся в нескольких кварталах от их дома.

– Госпожа Бердник Марина Сергеевна? – мягким баритоном поинтересовался морской волк.

– Это я, – оторопело кивнула мама, которую никогда в жизни не называли «госпожой», да и вообще не величали по имени-отчеству.

– Костаниду, Александр Константинович, – представился мужчина. Плавным скользящим жестом он извлек из кармана визитницу и протянул Марине матовую визитную карточку цвета слоновой кости. Та бестолково уставилась на плотный прямоугольник картона.

– Нотариус? – не поняла она.

– И душеприказчик покойного Петра Никаноровича Кречетова. Я не застал вас на работе, поэтому простите – пришлось явиться к вам домой без приглашения.

Из всей витиеватой речи Марина уловила лишь «Петр Никанорович». Она с удивлением уставилась на неожиданного гостя.

– Петр Никанорович умер вчера утром, – грустно сообщила она.

– Я знаю, Марина Сергеевна, увя, поэтому и приехал к вам. Завтра в полдень в моем офисе состоится оглашение завещания покойного. Вы приглашены, и я рассчитываю на ваше присутствие.

– Завещания? – бестолково переспросила Марина, а Танька, отодвинув растерянную подругу плечом и не сводя внимательного взгляда с импозантного нотариуса, заголосила:

– А я тебе говорила – дед твой тот еще миллионер подпольщик! Надо было его при жизни присматривать!

– Помолчи, Татьяна. – Марина пришла в себя и покачала головой, поднимая глаза на нотариуса. – Но причем тут я? У Петра Никаноровича есть сын, Глеб Петрович. Правда выяснилось это только после смерти отца, – не удержалась она от колкости.

– Марина Сергеевна, все подробности я смогу раскрыть вам завтра. Жду вас в полдень по адресу, указанному на визитке. Всего доброго. – Мягко улыбнувшись, импозантный Александр Константинович пропустил колкость мимо ушей.

– Может быть, чаю выпьете? – Валентина, забыв о красивом мужчине Николаиче, словно огромная баржа, рассекла людской поток и подплыла к нотариусу, не сводя с него внимательных глаз, в которые подпустила тумана. – У нас и сладости домашние имеются, и пирог яблочный.

– Благодарю, дамы, но вынужден вас покинуть. – Кире даже показалось, что странный дядька отвесил небольшой поклон прежде чем раствориться за дверью.

– Вот это да! – Первой пришла в себя Татьяна. – А прикинь, Никанорыч твой и правда Корейко какой-то!

– А тебе бы все чужие деньги считать, Татьяна, – осекла ее Зоя. – Нет чтоб порадоваться за подругу! Может, ей наконец-то в жизни повезет.

– Ой, девочки, я была у него вчера дома, – вздохнула Марина, обреченно махнув рукой.

– Что там оставлять? Разве что долги за коммуналку.

– Ну, квартира – это тоже неплохо, – неожиданно поддержала Таньку рачительная Зина.

– Продашь и отправишь свою звезду куда захочешь.

– Так выпьем же за будущие миллионы! – пьяно рассмеялась Татьяна, игриво подмигивая молодому охраннику. – А ну, налей даме рюмку!

Гости разошлись за полночь. Остаток вечера все дружно гадали, что же такое завещал Маринке старик в побитом молью пальто и как изменится ее жизнь после обретения несметных богатств. Расставались с пьяными объятиями и поцелуями под заверения, что долг, возможно, получится вернуть быстрее, чем рассчитывала, – все будет зависеть от наследства. Не обошлось без наставлений и пожеланий Кире «надрать задницу всем соперникам».

Кира же обменялась с Пашей номерами и договорилась созваниваться, если мама не сможет больше привезти его к ним. Про себя парень честно сказал, что пригласить Киру в гости не может: дома больная бабушка. А Кира и не настаивала, хотя общение с Пашей хотелось продолжить. Ей не хватало друзей и подруг, а парень оказался внимательным слушателем, к тому же он был очень смешным и умным. Пожалуй, знакомство с Павлом – это лучшее, что случилось за ней за долгое время. После кроссовок, презентованных Борисом.

Едва за гостями закрылись двери, как Валентина, решившая остаться с ночевкой и помочь Марине убрать после банкета, жарко прошептала подруге на ухо:

– Знаешь, мне кажется, этот Николаич в меня влюбился. Я думала, просто сожрет глазами.

– Мне тоже так кажется, Валюша. Да и нотариусу ты тоже приглянулась, я заметила, как он на тебя смотрел, – устало улыбнулась Марина подруге, а та, пригладив растрепавшиеся волосы, расцвела:

– Правда? Мне он тоже понравился. Может, завтра вместе пойдем в его контору? Я подожду в приемной, если что.

– Почему бы и нет? – Мысль показалась Марине здравой: в Валиной компании ей самой будет намного спокойнее и веселее. В отличие от нее Валентина всегда сохраняла спартанское спокойствие и мыслила здраво. Марина крепко обняла подругу и словно окунулась в материнское тепло.

– Спасибо тебе, Валюш, ты меня просто спасла. И стряпня твоя была восхитительна!

– Да что уж, – засмеялась довольная Валя, крепко обнимая подругу в ответ.

Спустя несколько минут она уже гроыхала посудой на кухне, а Марина тихонько постучала Кире в комнату.

– Кирюша, не спишь?

– Входи, мам, – откликнулась та.

Марина вошла в комнату дочери, держа в руках стопку разномастных конвертов и открыток, одна из которых бодро гласила: «С днем рождения!»

– Спасибо тебе, что уделила внимание Паше, – мягко начала Марина, присаживаясь на уже разобранную кровать, – его маме было очень приятно. Знаешь, он целыми днями сидит дома. Они ведь живут на пятом этаже в доме без лифта, и, чтобы выйти на улицу, Зое нужно вначале спустить вниз инвалидную коляску, а потом Пашу, на руках, – тяжело вздохнула Марина, напоминая самой себе, что она счастливая и везучая женщина: ее здоровая дочь бегают по корту и готовится стать лучшей в мире, в то время как сын Зои никогда даже на ноги встать не сможет.

– Я знаю, – кивнула Кира. – Паша прикольный вообще-то, мы с ним будем общаться.

Вместо ответа Марина обняла Киру и вдохнула родной аромат. Ее девочка больше не пахла молоком и печеньками – у нее появился свой, взрослый запах. Она больше не ребенок, она независимый человек, но от этого стала лишь дороже. Марина могла говорить с Кирой как с равной, обсуждать интересные темы и часто прислушивалась к ее мнению, здравому и взвешенному. Каждый день эта новая привязанность росла и крепла, и Марина не могла скрыть чувство гордости за собственную дочь. Та была не только трудягой, но и человеком с большим сердцем.

Стараясь не превращать трогательную минуту в сопливую сентиментальность, Марина, разжав объятия, начала выкладывать на кровать дочери содержимое конвертов и поспешно оправдываться:

– Я надеюсь, ты на меня больше не сердишься. Я ведь не просто взяла деньги, я их заняла, а в долге нет ничего плохого, это ведь временно. Каждый дал сколько мог, а я все верну, обязательно. Ты же слышала, мне наследство перепало.

– А кто это тебе его оставил? – искренне удивилась Кира.

– Клиент один, – улыбнулась Марина и покачала головой. Как, в сущности, мало у человека настоящих потребностей. Еда, питье, крыша над головой и пару минут простого человеческого общения, за которое ты готов отдать все самое ценное. – Петр Никанорович, так его звали, много лет ходил в наш магазин и мы с ним просто болтали. Он ужасно переживал из-за смерти жены, очень ее любил. Уже столько лет прошло, а он все никак не мог оправиться. Я была уверена, что он одинок, и мне было его жаль, поэтому, хоть Зоя на меня и сердилась, а клиенты ругались, я всегда старалась переброситься с ним парой слов. А теперь, когда он умер, вдруг выяснилось, что у него есть сын.

– Сын был где-то далеко? Поэтому не общался с отцом? – не поняла Кира.

– Нет, к сожалению, – покачала головой Марина, решив не приукрашивать правду жизни, – сын все это время жил в получасе езды. Так бывает.

Чтобы еще глубже не погрузиться в печальную тему и не разреветься, Марина принялась пересчитывать то, что ей удалось собрать. Мысленно добавила к получившемуся свои скромные сбережения и пару сотен, которые ей сунула в карман Валентина. До нужной суммы ей не хватало еще около тысячи евро. Марина с трудом подавила вздох разочарования. Все было зря. Сроки поджимают, денег взять негде. На аванс от Глеба рассчитывать явно не приходится.

– Кирюша... – попыталась начать она так, чтобы голос не дрогнул.

– Я поняла, мам, в лагерь я не поеду. – Кира не выглядела опечаленной, скорее наоборот, звучала оптимистично. Марина подняла на дочь удивленный взгляд.

– Это ничего, мама, я все равно стану первой ракеткой мира, и ничто не сможет мне помешать, – заверила она, поворачиваясь к молчаливой Шараповой и объявляя ей: – Я выиграю чемпионат, вот увидишь, а после этого у меня появятся спонсоры, и я смогу ездить в лагерь. Поверь, все будет хорошо.

Кира крепко обняла мать, и Марина поверила.

Планы дочери по завоеванию мира стали понятны на следующее утро. Воспользовавшись временным отсутствием второй работы, Марина решила себя побаловать и поспать на часок дольше обычного, но ее разбудила Кира, попытавшаяся тихонько прокрасться мимо ее дивана в направлении выхода из квартиры.

– Кирюша, ты куда? – сонно пробормотала Марина, открывая один глаз и поглядывая на будильник. Тот показывал пять утра. Марина подскочила на диване, протестуя скрипнувшим от такого бесцеремонного обращения, и сразу же впала в панику: – Что случилось?!

– Ничего, мам, тише, тетю Валю разбудишь! – шикнула Кира, кивнув в сторону кухни, где устроилась на ночь Валя.

– Куда в пять утра? – драматическим шепотом потребовала объяснений Марина. Сон слетел, как шелуха с лука в руках умелой хозяйки.

– Я просто хочу побольше потренироваться, мне нужно. Сейчас на пробежку и турники, а потом к Борису.

Марина с глухим стоном рухнула в уютную, мягкую постель, положив голову на подушку, все еще хранящую тепло и форму ее головы. Манящую, обещающую еще несколько минут драгоценного покоя и безмятежности, прежде чем проблемы нового дня атакуют с новой мощью. Несколько секунд она полежала с закрытыми глазами в тщетной попытке продлить удовольствие, но затем все-таки нашла в себе силы. Решительно откинув одеяло, она нашла тапки и попыталась встать.

– Я с тобой, – объявила она дочери.

– Куда? – Кира замерла от удивления, а затем сдавленно хихикнула: – На пробежку?

– Нет, во двор, или где ты там будешь бегать? Ну не пущу же я тебя саму в пять утра на улицу! – С первой попытки встать не удалось, и Марина схватилась рукой за спинку дивана.

– Все будет в порядке! – с подростковой уверенностью в собственном бессмертии зашептала Кира, косясь в сторону кухни.

– Будет, конечно, но я с тобой. – Марине наконец удалось встать, и она принялась оглядываться вокруг в поисках старого спортивного костюма, в котором ходила дома.

– Мам, ну ты что, поспи! – запротестовала дочь, пытаясь к двери. Участие мамы, которая и так не высыпалась, в ее утренних тренировках она не планировала. Наоборот, хотела побыть в одиночестве, подумать и сконцентрироваться.

– Давай так: я пока разомнусь в подъезде, тихонько похожу по лестнице с первого на пятый, приседания сделаю, потом полчаса пробежки по двору, а потом уже на обычный маршрут, в шесть, как обычно. Хорошо?

– Хорошо, – немного поразмыслив, кивнула Марина.

С дочерью она предпочитала не спорить по пустякам, зная, что, если та упрется, сможет работать Титаном, держащим Землю на своих плечах – с места не сдвинешь. Да и спать ужасно хотелось: вчерашние два бокала вина были явно лишними, в сон клонило неудержимо, и Марина смалодушничала. Их подъезд закрывается на кодовый замок, в нем тихо и спокойно, все соседи живут в своих квартирах годами. Кире ничего не угрожает. А с шести на улицах уже появляются собачники.

Едва за дочерью закрылась дверь, как Марина залезла под одеяло, все еще хранящее тепло. Немного повозилась, устраиваясь поудобнее, и прикрыла глаза в попытке снова уснуть.

Ей не удалось. Мысли, как черви, закопошились в голове. Да, Кира может тренироваться хоть сутки напролет. Но все, чего она этим добьется, – это перетренировка и хроническая усталость, так ей когда-то объяснял Борис. На том уровне, которого она достигла, ей нужны игры с сильными соперниками, чтобы набивать руку и расти. Просто тренировок и физической

подготовки недостаточно. В стране у нее есть лишь одна сильная соперница – Анна. Но та вряд ли захочет тренироваться с Кирой в школьном спортзале. Где же взять денег на необходимое?

Марина снова и снова задавала себе этот риторический вопрос, но ответа не находила. Оставалось только надеяться на чудо. А вдруг ей повезет? Надо купить лотерейный билет хотя бы. Кто-то же выигрывает в лотерею, почему бы не выиграть ей? Или, может, Петр Никанорович завещал ей миллионы? Марина невольно улыбнулась, да так и уснула с улыбкой на губах.

Из крепкого безмятежного сна ее вырвал требовательный звон будильника. Марина подскочила как ужаленная и заметалась, чуть не упав с узкого дивана. Первой пришедшей в голову мыслью было то, что она прозевала Киру, не досмотрела, и с дочкой что-то случилось.

Марина резко вскочила и тут же увидела, как на пол спланировал белый лист бумаги, все это время лежавший поверх ее одеяла. Марина схватила листок и попыталась прочесть написанное, но буквы скакали и расплывались. Она зажмурилась, затем несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, а потом открыла и прочитала текст, наконец собравшийся в буквы: «Мама, все в порядке. Я позанималась, рис сварила, поела и ушла на тренировку. Целую, Кира».

Марина обессиленно рухнула на диван и тихонько засмеялась: ее девочка оказалась умнее и собраннее, чем собственная мать. Все сделала и ушла, чтобы не беспокоить. Как же быстро она выросла! Хотя, секундочку, что значит «сварила рис»? А Валентина? Где она? Почему не разбудила Марину?

– Валя? – Марина заглянула на кухню, но подруги там не обнаружила.

Раскладной диванчик, приютивший Валу на эту ночь, был аккуратно собран, постельное белье лежало стопочкой с краю. На обеденном столе красовалась большая тарелка, накрытая сверху другой тарелкой. Поверх них – кусочек бумажного полотенца с размашистой надписью: «Съешь меня».

Что за день такой – все пишут записки? Марина приподняла верхнюю тарелку и обнаружила под ней несколько аккуратных бутербродов с сыром и шпротным паштетом, кокетливо украшенных кудрявыми веточками петрушки. Но стоило ей протянуть руку к одному из них, как тут же зазвонил телефон: на дисплее высветилось имя «Валюша» и знак сердца рядом (Кирин работа).

– А ты куда пропала? – с моста в карьер начала Марина, открывая рот, чтобы откусить бутерброд.

– Как это куда? Ушла приводить себя в порядок, разумеется! Где мы с тобой встречаемся? На остановке или прямо у этого Александра Константиновича?

Марина с трудом сдержалась, чтобы не чертыхнуться. Она совсем забыла! Положив на тарелку бутерброд, который так и не донесла до рта, Марина бросила встревоженный взгляд на часы – до встречи с нотариусом оставалось всего полчаса.

– Давай сразу там, – сдавленно прошептала она.

– Ты забыла! – торжественно провозгласила организованная до жути Валентина. Она-то уж наверняка стоит возле входной двери и наносит парфюм – одета, накрашена, уложена и выглядит так, будто собралась на королевскую свадьбу.

– Нет-нет, – зачем-то соврала Марина, покраснела и, наспех попрощавшись с Валентиной, бегом бросилась в ванную, по пути судорожно вспоминая, что надо бы предупредить Зою про опоздание, и тут же вдогонку вспомнив, что уже сделала это вчера.

Стремительно приняв душ и уже не успевая наложить макияж, Марина в последний момент решила распустить волосы и надеть единственное более или менее приличное платье. Короткие рукава прикрыла кофточкой.

В глазах мерзавца Глеба почему-то не хотелось выглядеть совсем сироткой, которой нищий старик оставил последние копейки, и она с готовностью и благодарностью их принимает. Она глубоко вдохнула и выдохнула, стараясь успокоиться и унять бьющееся сердце. Главное, сдержать себя и не поругаться с Глебом прямо у нотариуса. Это совсем ни к чему.

Схватив в прихожей сумку и накинув осеннее пальто, Марина выскочила на улицу и тут же раскаялась в легкомысленном выборе одежды: ледяной ветер моментально забрался под запахнутые полы и схватил корявой рукой за сердце. Марина, запахнув пальто поглубже, посеменила к остановке, стараясь удержать равновесие и не растянуться на схватившемся за ночь льду.

Хотелось плакать. Старика было ужасно жаль. Насколько же одиноким он себя чувствовал при живом сыне и невестке, чтобы внести в завешание незнакомую женщину из супермаркета, которая просто перекидывалась с ним парой общих фраз? Неужели Глебу было так сложно заезжать к отцу хотя бы раз в неделю на чай? Не говоря уже о том, чтобы привозить его время от времени в свой роскошный дом, усаживать в белоснежной гостиной возле камина и выделить час из своего занятого графика, чтобы послушать про нехитрые радости и печали отца?

Ладно Глеб, бездушный черствый мужчина, а его жена? Теперь Ксения уже не казалось ей такой уж прекрасной феей. Она даже была готова согласиться с Галиной, что в бывшей хозяйке проскальзывало нечто хищное. Возможно, природа наградила ее скрипучим голосом именно для того, чтобы внешние ухищрения не вводили в обман и предупреждали об истинной природе этой женщины? Ну, как яркая шкурка лягушки сигнализирует об ее опасности для внешнего мира.

Как можно было позволить мужу бросить отца на произвол судьбы? Марина с грустью вспомнила покойную свекровь, не принявшую ее с первого же дня, почуявшую в будущей невестке угрозу собственной мирной жизни с «ее мальчиком». В итоге свекровь умерла у Марины на руках, потому что именно она досматривала ее, категорически отказавшись от услуг хосписа и решительно заявив, что никто не должен проводить свои последние дни вот так – среди других обреченных, в запахе смерти и безысходности. Именно Марина в полной мере прочувствовала на себе болезнь Людмилы Викторовны, или мамы Люды, как она стала впоследствии ее называть, в то время как любимый мамин мальчик упоенно жалел себя и с головой ушел в борьбу за будущее планеты. За это мама Люда назвала ее доченькой за пару часов до смерти, а Марина еще год пыталась прийти в себя и хотя бы немного набрать потерянный вес и нервы.

Погруженная в невеселые воспоминания, Марина сама не заметила, как добралась до офиса нотариуса. Тот с комфортом разместился в недавно возведенном роскошном небоскребе, и Марина невольно поежилась при виде стеклянного гиганта, возвышающегося над городом. В непосредственной близости от современного здания она в своем старомодном дешевом наряде смотрелась как инородное тело. Золушкой, обманом попавшей на королевский бал.

В огромный паркинг небоскреба въезжали дорогие блестящие машины. Наверняка на одной из них приехал Глеб. При мысли о последнем настроении совсем испортилось. На короткое мгновение малодушно захотелось сбежать. Что будет, если она не потребует свою долю наследства? Отдадут государству? Или оно автоматически перейдет Глебу с Ксенией? Наверное, последнее. Ну уж нет, нельзя нарушить волю покойного и доставить сыну мерзавцу такую радость. Впрочем, кто знает, что ей завещал Петр Никанорович. Может быть, коллекцию книг или чучело любимой собачки? Впрочем, чтобы это ни было, она примет его с благодарностью и ни за что не отдаст Глебу. Это было бы предательством покойного.

– Маринка, где тебя носит? – Корпулентная фигура лучшей подруги возникла прямо перед носом. Еще шаг, и Марина бы уткнулась носом в необъятную грудь Валентины.

В вязаном пончо, отделанном мехом, подруга напоминала гигантскую австралийскую летучую мышь. Волосы уложены в замысловатую прическу, губы подкрашены, глаза сияют. Вся переливается, как новый пятак, словно это на нее саму свалилось неожиданное наследство.

– Мы уже опаздываем. – Схватив топчущуюся на одном месте Марину, Валентина без лишних размышлений поволокла ее к сверкающему на фоне пасмурного зимнего неба гиганту-небоскребу.

Улыбнувшись молодому парню, стоявшему на входе и сделавшему шаг, чтобы преградить им путь, Валентина царственно обронила:

– Мы к Александру Константиновичу. – И, увидев непонимание на лице охранника, добавила для пущей убедительности: – Костаниду, нотариусу. Вы наверняка знаете.

На лице охранника застыло недоумение.

– Да он не знает всех, здесь миллион офисов! – шепнула Марина подруге, продолжавшей лучезарно улыбаться охраннику.

– Как это не знает? – громче, чем требовалось, возмутилась Валентина. – Я уверена, что молодой человек профессионал своего дела и отлично знает всех, кто находится под его охраной. Я права, молодой человек?

Молодой человек немного смутился от столь грубой лести, но с удовольствием принял ее, кивнув в знак согласия и наверняка соврав. Порозовев, он сделал шаг в сторону и указал на рецепцию, сверкавшую монохромом сквозь идеально вымытые стекла:

– Там Лена вам пропуск выпишет.

– Спасибо за помощь, – от всего сердца поблагодарила Валентина и, не рискнув воспользоваться боковой дверью, выглядевшей слишком узкой для ее роскошного тела, дождалась, когда огромная крутящаяся машина центрального входа повернется к ней передом, вплыла в нее, увлекая за собой подругу и не сводя глаз с озадаченного охранника, смотрящего им вслед.

– Видела, как он на меня смотрел? – прошептала она Марине, а та с трудом улыбнулась, возвращаясь к реальности.

– Ты ни одного мужчину не оставляешь равнодушным, – нервно прошептала она подруге, а та, словно крейсер Аврора, уже подплыла к рецепции, представилась и потребовала сообщить, где именно в огромном блестящем муравейнике можно отыскать Александра Константиновича Костаниду.

Справившись с формальностями и получив по белой пластиковой карточке, обеспечивающей временный доступ в обитель успешных и богатых, Марина и Валентина зашли в скоростной лифт, за несколько секунд доставивший их на восемнадцатый этаж.

Выйдя из лифта, Марина чуть не зажмурилась от блеска окружающей ее роскоши. Хромированная сталь, надраенные до прозрачности окна, современные картины на стенах. Красивые женщины и мужчины в дорогих костюмах.

Сердце сжалось. Марине захотелось как можно скорее схватить книгу или, возможно, картину или какую-то другую памятную вещь, которую оставил ей Петр Никанорович, и убежать отсюда. Возможно, не пойдя с ней Валентина, она бы именно так и поступила. Такие места не для нее. Ее ареал обитания – это небольшой бюджетный супермаркет, расположенный среди облезлых дворов. Несчастные пенсионеры, которым не с кем и словом перемолвиться, нетерпеливые залетные обитатели, пацанва, половина из которой сопьется или умрет от шприца. И такие же неудачницы, как она сама, чья жизнь на каком-то определенном этапе свернула не туда. Кто без жилья, кто без мужа, кто без детей, а кто и с инвалидом на руках.

При мысли о Зое Марина заставила себя расправить плечи и прекратить себя жалеть – у нее в жизни не все так плохо! Точнее, нет, у нее в жизни все просто прекрасно. У них с Кирой собственная уютная квартира, есть деньги на еду, одежду и нехитрые развлечения. У нее умная талантливая дочка, сама она еще молода и здорова. Уж кому-кому, а ей точно не стоит гневить Бога, комплексовать и бояться хама Глеба. Да, пусть на ней не висят украшения стоимостью в годовой бюджет небольшого города и одета она не в модные тряпки, но ей нечего стыдиться. Она никогда в жизни не крала, не подставляла и не бросала родителей на произвол судьбы.

Валентина тем временем, чувствуя себя на редкость уверенно и раскованно в коридоре шикарного офисного здания, отыскала нужную дверь и подтолкнула к ней подругу:

– Не дрейфь, Мариш, – прошептала на ухо и толкнула дверь, – прорвемся.

Они очутились в небольшой приемной, обставленной стильно и лаконично. Белая глянцевая мебель, абстрактные картины в ярких рамках, два рабочих стола, за которыми восседали безупречно одетые девицы, которых Марина вначале приняла за близнецов: обе блондинки, обе в белых блузках, массивных очках в темной роговой оправе и при красной помаде. Впрочем, при ближайшем рассмотрении некая расхожесть все же наблюдалась. Та, что справа, была чуть полнее и ниже ростом, если можно так сказать о девушке за метр восемьдесят, одетой в наряды сорок второго размера. Девушка слева была еще стройнее и выше. Возможно, Александр Константинович подбирал себе помощниц в модельном агентстве? Впрочем, почему бы и нет? Если уж он мог позволить себе офис в таком месте, почему бы и не разориться на модели?

– Марина Сергеевна Бердник? – сверкнув белоснежной улыбкой, расплылась от радости блондинка справа.

– Да, это я, – кивнула Марина, мысленно обругав себя за то, что ответ прозвучал жалко и заискивающе. Словно она изначально была в невыгодном положении.

– Пожалуйста, пройдемте, Александр Константинович вас ожидает. – Девушка встала из-за стола, и Марина снова искренне удивилась: что такая красавица делает в приемной у нотариуса? Ей бы по подиуму ходить где-нибудь в Париже.

– Чай, кофе? – это уже вторая, «повыше», обращается к Валентине.

Марина бросила затравленный взгляд на подругу. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы Валентина пошла с ней, но она не знала, допустимо ли это. Ведь она никогда раньше не бывала на оглашении завещания, а спросить было боязно. Перед космическими красавицами не хотелось выставить себя полной дурой, но каким-то образом сопровождающая Марину блондинка умудрилась прочесть ее мысли:

– Ваша подруга может к вам присоединиться, если вы желаете. По закону при оглашении завещания должны присутствовать два свидетеля. Обычно эту роль исполняем мы, но если вам будет более комфортно в сопровождении близкого человека... – прочитала она.

– Естественно, ей будет комфортнее, – решительно прервала ее Валентина и тут же обратилась ко второй девушке тоном, не оставляющим сомнений – она привыкла к обслуживанию самого высшего класса. – Мне и моей подруге, пожалуйста, капучино. Я надеюсь, он у вас не из ужасных капсул?

– Нет, что вы, только кофе-машина и свежее молоко! Если хотите, могу сделать с миндальным, овсяным, рисовым или соевым, – послушно перечислила девушка, продолжая сиять лучезарной улыбкой. Марине даже захотелось подойти к красавице и потрогать – настоящая ли?

– Боже упаси! – ужаснулась Валентина. – Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на подобную дрянь. Мне только натурпродукт и две ложки сахара.

Послушно кивнув и не переставая улыбаться, девушка поплыла по воздуху к кофе-машине, стоящей в небольшом, отгороженном от остального помещения уголке, где занялась приготовлением напитков.

– Позвольте ваше пальто? – тем временем вежливо попросила девушка, сопровождающая Марину.

Первой мыслью было не отдавать. Вдруг она увидит надпись на китайском языке на потертом лейбле? Истончившуюся подкладку? Потертые рукава и воротник? Но входить в стареньком пальто в кабинет нотариуса было еще большим унижением, и Марина покорно кивнула.

Девушка помогла ей снять пальто с нарочитой осторожностью, словно это была соболиная шуба, повесила его на вешалку, а затем, не переставая улыбаться, толкнула белую глянцевую дверь, ведущую в кабинет ее начальника.

Глеб был уже на месте, его сопровождала Ксения. Марина попыталась не встречаться с ними взглядом, лишь сдержанно кивнула в знак приветствия, а в ответ физически ощутила волну презрения, которой ее окатили эти двое. Она была нищенкой и самозванкой в их красивой жизни, из которой ей следовало убраться как можно скорее. Впрочем, ей и самой не хотелось задерживаться.

– Добрый день, Марина Сергеевна, рад, что вам удалось к нам присоединиться, – красиво окрашенным голосом поприветствовал ее нотариус, одетый сегодня в льняной пиджак глубокого синего цвета и небесно-голубую рубашку. На рукавах, само собой, сверкнули запонки. Красавец-мужчина перевел взгляд на Валентину, заполонившую собой половину обширного пространства его кабинета.

– Валентина, – представилась та без приглашения и с презрением взглянула на удивленно смотрящего на нее Глеба и саркастически поджавшую губы Ксению.

– Можно открыть окно? – капризно попросила та. – Воздуха не хватает.

– Сделайте девушке атмосферу, – ядовито попросила Валентина, усаживаясь в массивное кожаное кресло, жалобно пискнувшее, когда она попыталась устроиться на нем поудобнее.

Марина уловила мелькнувшую на лице нотариуса улыбку и отчаянно позавидовала подруге: как ей удастся еще и шутить в такой обстановке? Сама она даже говорить не могла. Язык распух и занял собой весь рот. Стук сердца отдавался где-то в ушах, перед глазами все плыло. Хотелось некультурно выкрикнуть: «Дайте уже мне его сувенир» – и убежать отсюда.

Между тем, кажется, и Ксения с Глебом не очень уютно себя чувствуют. Словно бояться, что Петр Никанорович мог как-то их обделить. А впрочем, чего им опасаться? Люди, владеющие такими домами, явно не зависят от завещания пенсионера.

– Ксения Львовна, к сожалению, я не могу открыть окно: в здании центральная система кондиционирования, – мягко кашлянув, покачал головой Александр Константинович. – Предлагаю приступить к оглашению завещания, чтобы покончить с формальностями как можно скорее. После чего у вас будет возможность подышать свежим воздухом. Впрочем, если хотите, вы можете нас покинуть. В таком случае свидетелем со стороны Глеба Петровича выступит одна из моих сотрудниц. А супруг затем ознакомит вас с содержанием завещания.

– Я потерплю, – сквозь зубы процедила Ксения и цепко схватила руку мужа тощей, как у кузнечика, лапкой.

Глеб молча кивнул нотариусу, как бы приглашая того начать. Александр Константинович перевел взгляд на Марину. Та тоже дернула головой, выражая согласие.

Валентина посмотрела на нее с сочувствием и царственно распорядилась:

– Начинайте.

Марина рухнула без сил на ближайший к подруге стул.

– Вы заказали напитки моей помощнице? – любезно поинтересовался нотариус. Марина вначале нервно покачала головой, но, опомнившись, кивнула. В этот момент открылась дверь, и на пороге появилась девушка, держа в руках серебряный поднос с изящно сервированным капучино. Поднос она поставила перед Валентиной, словно инстинктивно признавая в ней главную, и, кивнув начальнику, испарилась.

– Мы покончили со всеми формальностями или ждем еще какую-то поломойку? – Голос Ксении прозвучал на редкость скрипуче, и Марине даже показалось, что холеный Александр Константинович поморщился.

Ей самой вдруг захотелось зажать уши руками, только чтобы не слышать его. Интересно, а как Ксения разговаривает с Глебом? Слышит ли он при общении с супругой райский голосок

экзотической птички? Или противное движение пенопластом по стеклу, вызывающее зубную боль?

– Все наследники на месте, – вежливо-равнодушно ответил нотариус, а Марина, наконец отважившись, принялась шарить взглядом по его столу.

Где то, что завещал ей Петр Никанорович? Пусть поскорее отдадут, и она уйдет в свой скромный мирок, подальше от этих спесивых богачей. К сожалению, на столе ничего не обнаружилось, кроме тонкого конверта, который нотариус взял в руки. Марина почувствовала, как скрутило желудок, и попыталась равномерно дышать. Вонзила короткие ногти в ладони. Главное, не расплакаться и не показать, что они ее чем-то задели. И не стошнить на этих холеных господ.

– Можем приступать, – продолжил Костаниду.

– Да, пожалуйста. – Спазм наконец-то отступил, и Марина смогла сделать вдох. Пусть это закончится как можно быстрее.

– Что, не терпится миллионы заграбастать? – снова каркнула Ксения, а Глеб положил свою руку на руку жены, призывая ее замолчать. Ему и самому не терпелось покончить со всем этим как можно скорее. Что за цирк отец решил устроить под конец жизни?

Александр Константинович нажал на небольшую кнопку на столе. Тут же дверь распахнулась и в кабинет снова вплыла одна из его помощниц, держа в руках блокнот и ручку.

– Мой ассистент составит протокол, – пояснил он всем присутствующим, после чего встал и, подойдя к Глебу, продемонстрировал ему конверт:

– Прошу вас, удостоверьтесь в подлинности документа. Вот моя печать, вот подпись вашего отца.

Глеб внимательно осмотрел конверт, а затем кивнул, после чего нотариус направился к Марине и продемонстрировал конверт ей. Та понятия не имела, как выглядит подпись Петра Никаноровича, о чем и попыталась сообщить нотариусу, но язык не слушался: вышло какое-то невнятное мычание, давшее Ксении повод снова закатить глаза.

Секретарь нотариуса проверила документы у присутствующих, внесла всю информацию в протокол, и нотариус наконец приступил к оглашению завещания.

Вскрыв плотный конверт, он принялся читать вслух формальную часть. Спустя три минуты слова слились в монотонный гул, и Марина утратила нить происходящего. Она и так плохо воспринимала информацию на слух, а уж когда вникать в детали приходилось в такой напряженной обстановке, все слова влетали в одно ухо и вылетали из другого, не задерживаясь в голове.

Марина прикрыла глаза, пытаясь унять разгулявшуюся головную боль, и выпала из реальности. Пришла в себя от громких криков. Кажется, кто-то скандалил. Она что, уснула? В удивлении открыв глаза, она увидела Ксению, растерявшую все волшебство и ставшую похожей на базарную бабу, отчаянно отстаивающую собственные интересы.

– Это фальшивка! – визжала она, а Глеб даже не пытался утихомирить разбушевавшуюся супругу.

– Этого не может быть, – твердил он как заведенный, – просто не может быть, отец был не в себе, когда писал завещание.

– Я выступаю гарантом того, что ваш отец пребывал в здравом уме и твердой памяти во время составления документа, – пытался утихомирить разбушевавшихся супругов нотариус.

Марина перевела удивленный взгляд на Валентину, но та сидела с приоткрытым ртом, словно тоже не веря в происходящее и глядя во все глаза на разворачивающуюся трагикомедию.

Марина потрясла головой – что она пропустила?

– Да ты просто в сговоре с ней! Это что, твоя любовница, да? – ринулась Ксения к нотариусу. Ее голос сорвался на высокие ноты и неприличный визг.

– Ксения Львовна, я прошу вас держать себя в руках, – строго одернул ее нотариус, но ту уже несло. Марине даже показалось, что она сейчас набросится на Александра Константиновича.

– Что случилось? – одними губами прошептала Марина, снова переводя взгляд на подругу. Та, продолжая как зачарованная смотреть на беснующихся наследников Петра Никаноровича, так же одними губами прошептала в ответ:

– Маринка, мне кажется, ты богата.

Окончание фразы потонуло в вопле Ксении Львовны:

– Я вас засужу!

Три квартиры, загородный дом и порядка миллиона долларов на счету.

Марина в тысячный раз перечитала тот пункт завещания, которым Петр Никанорович Кречетов сделал обычного кассира из супермаркета богатой женщиной. Родному сыну он оставил лишь литографию Репина и письмо.

– Этого не может быть, – только эту фразу и могла вымолвить Марина с того момента, как они с Валентиной покинули офис нотариуса, договорившись встретиться с ним еще раз для того, чтобы утрясти все формальности.

Сейчас узнать какие-либо подробности и задать вопросы не представлялось возможным: Ксения Львовна и Глеб Петрович впали в такую истерику, что помощникам нотариуса пришлось даже вызвать скорую помощь, чтобы оставленным без гроша наследникам вкололи успокоительное.

– Этого не может быть, – в сотый раз повторила Марина, перечитывая строчки завещания (копию ей любезно предоставила одна из блондинок). Валентина, вздохнув, подлила в треснутую кружку подруги немного вина.

– Купи себе нормальную посуду, миллионерша, – хмыкнула она и, немного подумав, выпила душистое вино сама, залпом.

– Обалдеть, – хохотнула Валентина, когда вино ударило в голову.

– Этого не может быть, это какая-то ошибка, – словно дурацкий китайский котик, продолжала кивать Марина, отказываясь верить написанному и услышанному.

Петр Никанорович Кречетов был потомственным ювелиром. Более пятидесяти лет успешной практики. Принадлежащие ему две мастерские он продал несколько лет тому назад, когда решил удалиться на покой. На вырученные деньги, добавив кое-что из своих сбережений, купил квартиру в центре и загородный дом с гектаром леса. Сам предпочел жить в крошечной квартире, некогда принадлежавшей покойной жене. Его же собственная квартира в доме дореволюционной постройки, в котором его семье принадлежал целый этаж, пустовала, дожидаясь новых хозяев.

И все это он оставил Марине.

– Мам, что случилось? – На кухне показалась заспанная Кира. Жмурясь и почесываясь, она в недоумении уставилась на мать.

Марина не хотела тревожить дочь, поэтому сразу после оглашения завещания она, сказавшись на работе больной, поехала к Валентине и просидела с ней до того времени, когда Кира обычно ложится спать. После чего засобиравшись домой, но Валентина не пустила ее одну в таком состоянии. Решив шикануть (в счет будущих миллионов), подруга прихватила из дома бутылку грузинского вина, вызвала такси и доставила Марину прямо в квартиру.

Осторожно, чтобы не разбудить уснувшую до их прихода девочку, подруги пробрались на кухню. Валентина заварила крепкий чай и разлила вино по шербатым кружкам, но отду-

ваться ей пришлось за двоих: Марина была не в состоянии сделать и глоток. Лишь монотонно раскачивалась на стуле и повторяла, как попугай:

– Этого не может быть, просто не может быть, это ошибка.

– Чего не может быть? – с недоумением переспросила Кира, переминаясь с ноги на ногу и шурясь на яркий свет.

– Доченька, – Марина перевела взгляд на дочь и попыталась сформулировать невероятную правду.

Как лучше сказать девочке? Мы богаты? Тебе больше не нужно вставать в пять утра на тренировки? Я отправлю тебя в самые лучшие школы? Мы будем жить в шикарной квартире? Или, возможно, переедем в дом с собственным лесом и наймем себе водителя, который будет возить тебя в школу?

Мысли путались. Марина беспомощно взглянула на подругу, но Валентина и сама пребывала в том редком состоянии, когда ей было нечего сказать.

– Кто-то умер? – Остатки сна слетели, и Кира с тревогой уставилась на мать.

– Нет, – бурно запротестовала Марина, а потом осеклась: – Хотя, да, умер. Петр Никанорович, тот человек, который оставил мне наследство, я тебе говорила.

– Кстати, ты не сказала, почему он умер? Он болел? – искренне расстроилась Кира, даже не задавшись вопросом, а что, собственно, ее мать получила в дар от неожиданного благодетеля.

Одним из многих даров, которыми Господь столь щедро наградил ее девочку при рождении, был дар сопереживания. У Марины каждый раз сжималось сердце, когда она смотрела на дочь, кормящую бродячее животное или отдающую свои скромные карманные деньги приюту для животных. Кира чувствовала чужую боль и проживала ее, как собственную, и именно это, а не только целеустремленность и упорство, делали ее такой особенной.

– Сердце, – пояснила она дочери, – и возраст. Петр Никанорович прожил долгую и непростую жизнь.

Переключившись на знакомую тему, Марина вновь обрела почву под ногами. Она легко и просто могла говорить о своем благодетеле: о его одиночестве, самоистязании, тоске и боли по столь рано покинувшей его жене. Она, несомненно, расскажет дочери все, что знает о нем, но, в конце концов, ей все равно придется сказать Кире о его последней воле. Ведь сколько дорожке ни виться, конец все равно близок. Столь неожиданно обрушившееся на ее голову богатство не получится долго скрывать, ведь вся их жизнь теперь изменится, перевернется с ног на голову. Киру надо к этому подготовить, но самое главное, дочка должна понимать, кому они всем обязаны, и помнить об этом до конца своих дней. Кира тем временем направилась к холодильнику, чтобы налить себе традиционную чашку ночного молока.

– Ясно. Жалко его. Мам, я спать, завтра рано вставать. – Выпив молоко залпом, Кира ополоснула чашку под краном и поставила ее рядом с мойкой.

– Кируся, – все-таки решилась Марина, останавливая дочь и бросая беспомощный взгляд на Валентину, словно ожидая ее одобрения. Та кивнула, благословляя.

– Да, мам? – Заспанная дочь снова зевнула и уставилась на мать. Слегка покачнувшись от усталости и автоматически схватилась за дверной косяк, чтобы не упасть. У Марины сжалось сердце – как только появится такая возможность, она купит Кире самых лучших овощей и фруктов! И не у них в супермаркете, а на базаре, у гостей с солнечного Кавказа. Багровых гранат с налитыми зернами, что лопаются от одного неосторожного прикосновения; мясистых фиолетовых слив, сочащихся соком; румяных наливных яблок, ароматных груш и абрикосов, пахнущих солнцем. Обязательно повезет Киру на море – впервые в жизни! Купит ей самую лучшую форму, ракетки и даже телефон с планшетом, о которых Кира столько времени мечтает.

– Мам? – поторопила ее Кира, мечтающая вернуться в кровать и снова погрузиться в короткий сладкий сон.

– Кируся, мне кажется, ты все-таки поедешь в лагерь. – Марина вдруг не сдержалась и улыбнулась.

Она всегда верила в сказки и чудеса, несмотря на все заверения скептиков, что жизнь – боль. И оказалась права – с ней случилось чудо. Она действительно стала героиней сказки, в которой ей неожиданно воздалось за все добро.

– Что? – Кира выглядела все такой же заспанной и не особо заинтересованной. – Кто-то еще занял денег?

– Нет, – Марина тряхнула головой и бросила триумфальный взгляд на Валентину, – нет. Мы больше не будем занимать деньги, и я раздам все долги завтра же. У нас с тобой есть собственные деньги, чтобы отправить тебя в лагерь. И даже не на неделю, а на две. Или, может быть, даже на три.

– В смысле? – не поняла Кира, а Валентина уже подскочила к девочке, обняла ее за плечи и силой усадила на стул.

– Мать твоя, святая женщина, – заголосила она, – с дедом этим, Никанорычем, общалась каждый день, когда родные дети бросили. Вот он помер и ей кучу всего завещал, вы теперь богаты.

– Это шутка? – рассмеялась Кира, но улыбка так и замерла на губах, когда она поймала растерянный, затуманенный взгляд матери. Та, улыбнувшись, покачала головой.

– Нет, Кируся, Петр Никанорович оставил нам три квартиры, дом и много денег. Очень много денег.

Марина, продолжая улыбаться, внимательно всматривалась в лицо молчащей дочери в тщетной попытке поймать первую реакцию. Радость. Кира непременно должна обрадоваться, ведь сбудутся все ее нехитрые мечты. Но к огромному удивлению Марины лицо дочери вдруг исказила гримаса, как в детстве, стоило ей столкнуться с по-настоящему большим детским горем. Глаза заблестели, и Кира вдруг разрыдалась, навзрыд.

Марина вскочила с места и кинулась к дочери, обнимая ее, прижимая к себе и неожиданно присоединяясь к ней в плаче. Спустя несколько мгновений мать и дочь упоенно рыдали в объятиях друг друга, грозясь перебудить всех соседей. Впрочем, плевать: совсем скоро у них будут новые соседи.

– Дуры, как есть дуры. – Валентина смахнула слезу, глядя на рыдающих Марину и Киру и покачала головой: – Надо же, какие дуры!

Форму Кирусе Марина заказала в интернете, из заграницы. У ее доченьки должно быть все самое лучшее, она это заслужила. Кроссовок, таких как у Ани, сразу две пары и форму, которую рекламировала Маша Шарапова. Кроссовки из ее коллекции Марина тоже заказала, просто чтобы Кира ходила в них в школу.

Были куплены новые ракетки и специальная теннисная сумка, с которой невысокая Кира смотрелась немного нелепо, ведь та была почти такого же размера, как и сама девочка. Лагерь во Франции был оплачен, будущее начало подсвечиваться розовым цветом, жизнь налаживалась вместе с погодой.

Зиму неожиданно выключили, и весна за одну ночь смыла с улиц все напоминания о ней. Проливной дождь окончательно растопил лежалый снег, смыл грязь с тротуаров, умыл деревья и кусты, на которых буквально на глазах начали набухать почки и проклюнулась первая молодая листва.

Около недели Марина маялась, не зная, что купить в подарок Борису, чтобы отблагодарить за все то внимание и усилия, которые он годами вкладывал в ее дочь. И за те кроссовки, что он так деликатно подарил Кире, зная, что у самой Марины ни за что не хватит на них денег. Она тогда долго думала над тем, как ей стоит отреагировать – возмутиться или, наоборот, поблагодарить? В итоге смалодушничала и просто удостоверилась, что Кира сказала «спасибо» за подарок. Ведь кроме «спасибо» других возможностей для благодарности у них раньше особо не было.

Зато теперь этот момент настал. Марина может позволить себе купить любой подарок, вот только она ничего о Борисе не знает. Что может понравиться почти божеству? Деньги – слишком низменно, да и вряд ли идеальный Борис снизойдет до того, чтобы их принять. Только оскорбится. Подарок? К сожалению, о его личных вкусах и пристрастиях она ничего не знала, хоть и очень хотела бы узнать. В начале их сотрудничества с Кирой она пробовала задавать дочери наводящие вопросы, чтобы через нее разузнать побольше о благородном спортсмене, с первого дня встречи казавшимся ей идеалом мужчины. Но Кира была нечувствительна к интересу матери, да и сам Борис особо о себе не распространялся – общался с девочкой только на спортивные темы. Марина даже пыталась разыскать его в социальных сетях, но нашла лишь заброшенные фан-страницы. Похоже, сам Борис не особо стремился явить себя миру, ушел в тень и закрылся от всего.

Что можно подарить такому человеку? У нее не было ни малейшей идеи. В итоге, проклиная собственную примитивность и отсутствие воображения, Марина купила бутылку дорогого коньяка и, оплатив покупку, сразу же раскаялась. Ни ума, ни фантазии – покупать спиртное бывшему спортсмену. Хотя почему бывшему, и кто сказал, что спортсмены совсем не употребляют алкоголь? Никто же не заставляет его хлестать коньяк из горла? Наверняка к Борису приходят гости, женщины...

При мысли о последних стало грустно. Марина сама себе не признавалась, но тренер дочери давно и прочно завладел ее сердцем. Впрочем, свои эмоции она всегда старалась загнать поглубже, мыслила реально: у нее нет ни малейшего шанса. Красавец Борис, побывавший на вершине мировой спортивной славы, и кассир из супермаркета. Ха-ха, смешно и нелепо. Он даже не знает, как ее зовут – почему-то Марина была в этом уверена. Надо искать шапку по Сеньке, а Борису просто сказать «спасибо». Ведь если бы не он, Кира никогда бы не нашла свое призвание.

– Это вы зря придумали, – Борис хмуро посмотрел на элегантную серебристую коробку, в которой его ожидал подарок – баснословно дорогой коньяк одной из лучших марок.

– Ну что вы! Я вам очень благодарна, вы даже представить не можете, как, – засуетилась Марина, немедленно зардевшись от стыда и злости на саму себя. Ведь знала же, что идея неудачная, надо было купить что-то другое.

– Вы не пьете? – вдруг выпалила она.

– Я про другое, Марина, – прищурился Борис, по-прежнему игнорируя коньяк, а Марина обомлела от радости – он знает ее имя!

Борис кивнул в сторону Киры, сосредоточенно набивавшей мячик об стену. Новенький спортивный костюм, дорожные кроссовки, лучшая ракетка – Марина невольно залюбовалась дочерью. Сняв с себя ужасные растянутые вещи и одевшись в дорогую одежду, дочь стала настоящей красоткой. Миниатюрная, с точеной фигуркой.

– А про что? – бестолково спросила она.

– Про то, что Кире это все не нужно. Она и так показывает отличные результаты, потому что у нее есть стимул. Лагерь будет для нее отличным подспорьем, поможет ей выиграть чемпионат и привлечь внимание международных специалистов, а вот все остальное не имеет никакого значения. Мало того, я считаю, что это может ей лишь помешать.

Марина скосила глаза на дочь, сделавшую перерыв в тренировке, жадно пьющую воду и одним глазом косящую в новенький айфон, презентованный ей матерью на днях.

– Вы про телефон? – удивилась Марина и пожала плечами. – Я поговорю с ней, чтобы она не доставала его на тренировках. Но вы поймите, Борис, что подросток ее возраста в наше время без хорошего телефона чувствует себя ущербным.

Усмехнувшись, Борис покачал головой:

– Боюсь, вы не поняли, о чем я. Ну, дай Бог, никогда и не поймете.

Легкий снисходительный тон слегка резанул по сердцу, но Марина взяла себя в руки. Может, она и не самая умная и догадливая женщина в этом мире, но она мать, которая точно знает, что может помочь, а что – навредить ее ребенку. В отличие от бездетного холостого Бориса. Она снова неловко сунула ему коньяк:

– Вот, возьмите, спасибо вам большое за все.

– Пожалуйста, – кивнул Борис и взяв подарочный пакет, не глядя отложил его на скамейку, где уже стояла его старая потертая сумка. Может быть, стоило купить ему новую? Марина тут же прогнала эту мысль: это слишком интимно. Плюс сам может себе купить, если понадобится, не маленький.

– Извините, нам нужно тренироваться, – кивнул Борис и, развернувшись, направился к Кире, окончательно ушедшей в виртуальную реальность.

– Никаких телефонов на тренировке, – одернул он девочку, – десять кругов вокруг корта.

Та вздрогнула, чуть не выронив вожделенный гаджет, и без лишних слов засунула его в боковой карман новенькой сумки.

Немного полюбовавшись дочерью, Марина решила предоставить ее тренировкам, а самой наконец-то заняться тем, на что так долго не хватало времени и денег – собой.

Два дня тому назад Марина уволилась с работы. До того момента, как у нее появилась возможность жить, не думая о завтрашнем дне, она и не подозревала насколько же она устала.

Устала вставать по утрам и тащиться на работу то в холодных, то в невыносимо жарких маршрутках. Устала от грубых хамовитых клиентов, устала от стажеров-идиотов. Даже от мелких профессиональных интриг устала. Нет, ей по-прежнему доставляло удовольствие сидеть в курилке, слушать Танькину болтовню и есть Зинины котлеты, но она вдруг осознала, что вполне сможет без всего этого обойтись.

У нее появилась возможность, о которой она так давно мечтала, – пойти по магазинам, салонам красоты и даже, о Боги, поесть в ресторане!

Еще вчера план казался упоительным. Марина легко представила, как все это будет. Вот она заходит в самый дорогой салон красоты, принадлежащий жене местной футбольной звезды и обслуживающий знаменитостей локального разлива. Свысока кидает холеной девушке на рецепции, что она желает все! Да-да, все, она не ослышалась. Хотя, что именно «все», она и сама толком не знала, но что в этом сложного? Наверняка ее покрасят и подстригут, сделают маникюр и педикюр, коррекцию бровей и эпиляцию. Дальше этого ее воображение и познания в современных процедурах красоты не распространялись. С того момента, когда она последний раз была в салоне красоты (на третью Танькину свадьбу, состоявшуюся пять лет тому назад), индустрия красоты шагнула далеко вперед. Поэтому безопаснее всего будет действительно попросить «все, что у них есть» и что они смогут сделать, скажем, за семь часов. Хотя, почему за семь? За четыре. Надо продемонстрировать, что она занятая женщина. Впрочем, кому это надо? Признайся честно, у тебя просто нервов не хватит сидеть целый день в салоне среди всех этих фиф, которые, казалось, рождаются с укладкой, аккуратными ногтями и идеальными бровями.

Наверняка в этом салоне уже сложившийся междусобойчик. Мастера и клиентки знают друг друга тысячу лет и будут с недоумением коситься на пришлую гостью. Долго она такие

взгляды не вытерпит. Ведь даже уборщица способна заметить, что Марина не принадлежит к этому миру. Пока. Но со временем она обязательно займет в нем свое место.

Салон красоты, называвшийся в честь хозяйки «Маргарита», располагался в тихом центре и делил солидный особнячок с единственным в городе частным детским садом и студией йоги, что было необычайно практично и удобно.

Жены сильных мужчин их небольшого мирка по утрам могли играть в заботливых мамаш и отвозить детей в сад самостоятельно, не поручая это няне. После чего сплоченной стайкой перепархивали в студию йоги, а затем отправлялись наводить красоту к Маргарите.

Марина любовалась их жизнью. Смотрела на нее издали через страницы журналов. Все это казалось ей чем-то придуманным, нарисованным, словно матрица, которая никогда не пересечется с ее реальностью. А теперь эта жизнь гостеприимно распахнула перед ней свою дверь, приглашая войти, вот только Марина почему-то топчется на пороге, не решаясь сделать первый шаг.

Хотя что ей, собственно, мешает жить, как эти женщины? Пускай у нее нет малыша, нуждающегося в детском саде, но у нее есть дочь, которую нужно возить на тренировки (накануне Марина решила получить права и купить себе машину, на которой сможет с комфортом доставлять Киру на турниры, вместо того чтобы трястись с ней в неудобных автобусах, частенько выезжая затемно, чтобы успеть к началу первой игры).

Так вот, она может утром закидывать Киру на тренировку, а затем отправляться на йогу и в салон красоты. Почему бы и нет?

При мысли о физических нагрузках тело отозвалось сладкой болью. Ей, отдавшей все детство и юность танцам, отчаянно не хватало хороших тренировок и растяжек. Все, решено, покупает абонемент в самый лучший клуб города! Будет заниматься йогой, как это сейчас принято. Но вначале наведет красоту.

Решительным шагом Марина направилась к крыльцу, но, не доходя пары метров, споткнулась и упала. Какая неуклюжая! Внезапно почувствовала, что ногам стало прохладно, перевела взгляд на сапоги – у правого отвалилась подошва.

Вздохнув, Марина поднялась и досадливо поморщилась. Ну какая же она дура! Переживала, как ее примут в таком роскошном месте, и при этом не озаботилась приличной одеждой, обувью и сумкой. В таком виде решительно невозможно даже приближаться к обители богатых и стильных. Ведь как ни крути, а встречают все равно по одежке. Поэтому сначала магазины, а потом все остальное.

Развернувшись, Марина трусливо нырнула в ближайший переулок и остановилась, пытаясь сориентироваться, где расположен магазин обуви. Направилась было к центральной улице, где в тени вековых лип уютно устроился самый дорогой обувной бутик города, но дойти до него не хватило духу. Нет, она еще не готова к оценивающим взглядам продавщиц, или, как их сейчас называют, консультантов. Надо набраться опыта и храбрости, а пока что отправится в более демократичное место.

Марина свернула в небольшой торговый центр и, подволакивая ногу, чтобы оторвавшаяся подметка не бросалась в глаза, направилась напрямик в обувной магазин, наполненный людьми. Там, игнорируя удивленные взгляды продавщиц на распавшийся на части сапог и замирая от собственной смелости, она купила себе пару разрекламированных итальянских кроссовок, которые, по обещанию производителей, должны были «дышать».

Решительным жестом отправив сапоги в ближайшую урну (хотя на секунду мелькнула подлая мысль о том, что их еще можно починить), она скользнула в светло-кремовые кроссовки (продавщица сумела убедить ее, что это самый трендовый цвет сезона) и, сделав пару шагов, чуть не застонала от удовольствия. Ощущение было сравнимо с ее старыми растоптанными тапками. Обувь мягко обнимала и поддерживала, создавала ощущение легкости и парения по

воздуху. Неужели так бывает? Неужели есть обувь, которая не давит, не натирает, не промокает и не теряет вид после первой же прогулки по реагентам?

Конечно, судить еще рано: может быть, эта красота тоже долго не продержится, – но пока нужно насладиться легкостью, мягкостью и стилем.

Впрочем, к стилю были вопросы. С ее заношенным пуховиком новенькие кроссовки не особо монтировались, но окрыленная и воодушевленная первой успешной дорогой покупкой Марина без особых раздумий направилась в небольшой магазинчик, мимо которого часто возвращалась домой с работы, любуясь витринами и симпатичными небанальными нарядами, в которые были одеты стоящие в них манекены. Наверняка цены в этом магазине были заоблачными, ну и что? Она может себе позволить. И только решительно потянув на себя стеклянную дверь бутика, Марина поняла, что погорячилась.

Девушки-консультанты выглядели как модели, запорхнувшие в бутик на фотосессию. Высоченные, стройные и стильные. Чем-то неуловимо похожие на ассистенток нотариуса, только эти девушки были брюнетками.

Короткий оценивающий взгляд в сторону Марины и вышколенная улыбка.

– Могу я вам чем-то помочь? – поинтересовалась одна из девушек, приближаясь к Марине и глядя на нее в упор.

– Нет, – запнулась та и моментально стушевалась. Интересно, что подумает девушка, если прямо сейчас Марина развернется и выбежит отсюда? – Я просто посмотреть.

– У нас сейчас скидки, – любезно сообщила девушка, – до семидесяти процентов. Вот там.

Она махнула рукой в направлении дальнего угла магазина, где виднелась одинокая рельса с несколькими болтающимися на ней вешалками с пальто.

Марина хотела было возразить, что она вовсе не охотится за скидками, а ищет что-то, что одним махом превратит ее в дорогую и ухоженную женщину, но не отважилась. Пока не тянет, ну да ладно, все постепенно. Возможно, спустя пару месяцев, пообтесавшись в студии йоги и салоне красоты, она зайдет сюда и встретит уже другое обращение?

Марина покорно затрусилась в угол скидок. Первое же пальто выглядело по-настоящему весенним. Белое в желтую клетку. Но в голове привычно завелся противный голос, загудевший словно надоедливая муха: «Ну и сколько ты проедешь в белом пальто в маршрутке?», «Как ты будешь его чистить?», «На химчистке разоришься!» Марина одернула было руку, чтобы отодвинуть симпатичную вещицу в сторону, но вдруг остановилась. Что это она, в самом деле? Она же может позволить себе купить даже два таких пальто, чтобы носить их по очереди! И ездить ей в маршрутке необязательно. Во-первых, некуда, а во-вторых, она может взять такси или вовсе нанять водителя с машиной, пока не разживется собственной. Она теперь может все благодаря Петру Никаноровичу.

Решительно схватив пальто с вешалки и убедившись в том, что это нужный ей размер, она слишком громко, даже немного вызывающе, сообщила продавщицам:

– Я хочу примерить.

– Конечно, – растеряв к ней всякий интерес, сообщила вторая девушка, махнув рукой на небольшую дверь, находившуюся прямо в «скидочном уголке». За ней, по всей видимости, располагалась примерочная.

Но не успела Марина направиться в указанном направлении, как колокольчик на двери звякнул и в магазин, распространяя удушливый запах парфюма, вплыла молодая женщина, карикатурно держащая под мышкой крошечную дрожащую собачку.

Красиво уложенные волосы, бесконечные стройные ноги, подчеркнутые черными штанами, облегающими девушку словно вторая кожа. Коротенькая белоснежная шубка (вот уж кто даже не подозревает, что такую можно испачкать в маршрутке. Впрочем, знает ли она,

что такое маршрутка?) и сапоги на таких умопомрачительных каблуках, что Марина невольно позавидовала ее чувству равновесия.

– Елена Вячеславовна, здравствуйте! А у нас как раз новая коллекция. Мусечка, девочка, прекрасно выглядишь, сейчас принесу тебе водички, – наперебой засюсюкали продащицы над собачкой и ее хозяйкой, а Марина, облегченно вздохнув, что избавлена от внимания, нырнула в примерочную и, сбросив надоевший за семь лет пуховик, надела пальто.

Уставилась в зеркало и замерла. Оттуда на нее смотрела молодая женщина, при определенном освещении все еще способная сойти за девушку. Натуральная блондинка с небрежно собранными волосами. Тонкие черты лица, которые ничуть не портил небольшой залом между бровей, по которому Марина провела пальцем, едва касаясь. Морщинки вокруг глаз. Впрочем, не гусиные лапки, выдающие возраст, а скорее застывшие смешинки, говорящие о том, что эта женщина всегда готова улыбнуться и посмеяться над хорошей шуткой. Светлые глаза, стройная фигура, ровная спина и плечи – лучшее, что она вынесла из балета.

Немного подумав, Марина сделала то, чего не делала уже много лет: распустила волосы, и те тяжело рухнули на плечи. Марина помотала головой, как в детстве, и вдруг улыбнулась самой себе в зеркале. Сколько лет она вот так избегала смотреть на себя? Трусливо обещая, что вот-вот, Кирочка подрастет, подпишет рекламные контракты, начнет себя обеспечивать, а она сможет потратить свои скромные заработки на какую-то понравившуюся вещь или даже на поход к косметологу. Сколько лет она боялась признаться себе в том, что молодость и красота уйдут, пока она сможет себе «позволить»? Сколько раз она решительно отвергала то, что нужно было ей самой, чтобы обеспечить ребенка? Сколько?

Как хорошо, что сейчас у нее есть возможность остановиться, вздохнуть и подумать о себе. Купить красивую одежду, привести в порядок волосы, избавиться от надоевшего залома между бровями, накрасить ногти ярким лаком, не думая о том, что через два дня он облезет.

Спасибо, Петр Никанорович. Надеюсь, что тебе хорошо и мягко там, где ты сейчас есть, и тебе удалось встретиться с женой и вымолить у нее прощение, в чем бы ты ни был перед ней виноват.

Марина слегка нахмурилась, вспомнив похороны.

К счастью, Глеб оказался не последним мерзавцем: купил отцу место на центральном кладбище и даже заказал более менее приличный гроб. Марина сухо сообщила, что сама займется памятником Петру Никаноровичу, выслушала поток оскорблений от Ксении, не сумевшей сдержаться и проявить уважение даже на кладбище. Впрочем, Бог ей судья. Своему благодетелю Марина была готова поставить и десять памятников, и этого все равно было бы недостаточно, чтобы отблагодарить человека, изменившего ее жизнь навсегда.

«Глеб,

Я обойдусь без обращения „Дорогой сын“, ведь в той точке, куда мы с тобой зашли, оно было бы неуместно. Видит Бог, я бы хотел, чтобы все у нас с тобой было по-другому, но есть вещи, над которыми мы не властны.

Я надеюсь, что к моменту, когда ты откроешь это письмо, первые эмоции утихнут, и ты сумеешь прочитать его с холодным сердцем и ясным разумом и понять, почему я распорядился так, как распорядился.

Наверняка ты не знаешь, но все эти годы, что мы провели вдалеке друг от друга, я не упустил тебя из виду. Признаюсь, что даже прибег к услугам специальных людей, которые периодически рассказывали мне о том, как ты живешь, строишь карьеру и преуспеваешь в жизни.

Знаешь, сын, я тобой горжусь. Ведь ты достиг всего самостоятельно, без моей помощи. Надеюсь, что это именно я дал тебе удочку, которой ты смог наловить столь жирный улов. Если нет, то прости меня. Я действительно хотел дать тебе самое лучшее и сразу подготовиться к жизни без меня. Родители, видишь ли, не вечны. И уходя они должны быть уверены, что дети справятся без их помощи.

А еще родители должны оставлять после себя теплые воспоминания в сердцах детей. К сожалению, это у меня не получилось, поэтому я снова совершу подмену: вместо своей любви, которая бы согревала тебя до конца дней, я дарю тебе картину Репина.

Я знаю, что ты любишь русскую живопись, и я надеюсь, что эта картина пробудит в тебе теплые чувства. Это единственное, что я могу сделать для тебя и для себя. Я прошу тебя не продавать ее во имя того хорошего, что у нас было. А я верю, что было.

Я уверен, что ты удивлен моим решением оставить все, что у меня есть, этой милой женщине из супермаркета. Наверняка ты был возмущен и задавал себе вопрос, почему я не завещал все тебе, чтобы хотя бы частично попытаться компенсировать то, что натворил. Я бы на твоём месте задавался точно такими же вопросами.

Я объясню.

Видишь ли, деньги не приносят счастья сами по себе. Они делают счастливым только того, кто сам их честно заработал. И того, кто умеет делиться и с их помощью делать жизнь других людей чуточку лучше.

Я знаю, что мои капиталы не принесут тебе счастья: ты просто разбазаришь их на всякую ерунду, чтобы не быть мне „должным“. Ты ведь этого боялся всю жизнь, не так ли? Поэтому я оставил их этой Марине. Она добрая женщина и всегда была внимательна ко мне. За то короткое время, что мне посчастливилось с ней пообщаться, у меня сложилось впечатление, что если дать ей крупную сумму, она просто потратит ее на кратковременные удовольствия и на помощь другим. А затем ее жизнь вернется на круги своя – в ней практически ничего не изменится, как это бывает с теми, кто выиграл крупную сумму в лотерею. Деньги сделают ее лишь чуточку счастливее на короткое время и не заставят страдать. Но на всякий случай я прошу тебя присмотреть за ней и удостовериться, что мое наследство не сделает ее несчастной. Этого я хотел бы меньше всего. Надеюсь, что могу на тебя в этом положиться, и благодарю тебя.

Будь здоров и счастлив, сын.

***Всегда любящий тебя,
твой отец».***

Глеб с трудом подавил желание скомкать письмо в руке и бросить его в камин, чтобы сжечь дотла. Безусловно, глупый листок, наполненный пафосом, сгорит, но как быть с воспоминаниями? К своему огромному сожалению, Глеб обладал слоновьей памятью, поэтому даже преврати он прощальное письмо отца в пепел, он все равно будет помнить каждую строчку, каждое слово, вплоть до запятой, до самой смерти.

Да и при всем внешнем цинизме и даже жесткости Глебу Петровичу было не чуждо ничто человеческое. Что-то, впитанное с молоком матери, а быть может, переданное генетической памятью, мешало так просто избавиться от последней воли отца, который, безусловно, писал это письмо, лишившись остатков разума. Просьба проследить за этой торговкой звучала как издевательство. Он еще и удостовериться должен, что ей хорошо живется на его собственные деньги? О чем отец только думал?

Интересно, чем таким она его покорила? Обычная, ничем не примечательная, рано составившаяся женщина. Серая и бесцветная. Впрочем, на Марину он зла не держал. Ведь, по зрелом размышлении, она ни в чем не виновата. Насколько он мог судить по ее реакции на оглашении завещания, последняя воля отца стала для нее самой огромным потрясением. Придя в

кабинет нотариуса, она явно не рассчитывала выйти из него богатой женщиной. Оглушенная новостями, она что-то там лопотала о том, что думала, будто ей положена какая-то вещица из наследия отца. Да она и не знала, кто он такой и что у него есть деньги. Конечно, всегда оставался вариант, что она искусно притворяется, корча из себя невинную овцу, а на самом деле она профессиональная мошенница, вошедшая в доверие к одинокому пенсионеру. Ну тогда ей впору было давать Оскар и парочку Золотых глобусов за такое исполнение роли ошарашенной наследницы. Скорее всего, она просто оказалась в нужное время в нужном месте. Если кого и винить во всем, так это отца. Он всегда отличался эгоизмом и эксцентричностью.

Следил он за его жизнью, видите ли, и был уверен, что у него все хорошо! Что же не потрудились узнать, что дела у Глеба идут вовсе не так радужно и сейчас перед ним стоит вопрос продажи собственного дома? Единственное, что могло бы ему помочь расплатиться с долгами и как-то вернуться в строй, – это наследство отца.

В последнее время бизнес шел из рук вон плохо, а они с Ксюшей привыкли жить на широкую ногу. Ах, папа-папа, ну почему же, почему? Как бы ему сейчас помогли эти миллионы. Всего одна проданная квартира в центре дала бы возможность вернуть долг, а вторая послужила бы мощным вливанием в бизнес. Он бы сдался, перепрофилировался, начал строить уродливых многоквартирных монстров и жил бы себе припеваючи. А для красоты у него есть Репин, в конце концов.

Погруженный в невеселые мысли, Глеб не услышал, как открылась дверь и в кабинет вприхнула Ксения. Он лишь почувствовал ее запах. Чистоты и моющих средств. Последнее время запах отбеливателя сопровождал жену повсюду и поначалу даже нравился ему. Потом стал немного раздражать, но со временем Глеб к нему привык и даже забыл, что женщина может пахнуть по-другому.

– О чем задумался, милый? – Ксюша скользнула к нему на колени и обняла, разворачивая лицо к себе.

Глеб с трудом подавил тяжелый вздох и попытался сохранить нейтрально-приветливое выражение лица. Утром он встал пораньше, чтобы спокойно посидеть и подумать в одиночестве, что ему делать дальше. Обычно Ксюша его не беспокоила. Жена вставала поздно, пила кофе, листала ленту новостей. Но в последнее время у них все шло не так.

Ксению он никогда не посвящал в свои проблемы, не собирался этого делать и впредь. Впрочем, недавно он отказался купить ей новую машину и сообщил, что в этом году они не потянут месяц в пяти мальдивских звездах, из чего жена сделала вывод, что что-то происходит. Ксюша была достаточно умна, чтобы не заподозрить в наступившем охлаждении другую женщину. Об истинной причине – проблемах в бизнесе – она догадалась сразу, но не стала изводить мужа вопросами и причитаниями. Предпочла сразу предложить решение проблемы.

– Нужно забрать наследство у этой дуры, – неожиданно четким голосом произнесла супруга, пытаясь поймать его взгляд.

Глеб вздрогнул. Ксюша никогда не разговаривала громко и внятно, большую часть времени предпочитала шептать, что было частью старательно создаваемого имиджа. За долгие годы совместной жизни Глеб даже позабыл, что жена умеет говорить по-другому. Ведь шепот как нельзя более точно соответствовал ее хрупкому образу этакой феи дождя и весенней росы. Поэтому от ее резкой фразы Глеб вздрогнул.

– Папа распорядился по-другому, – обнимая и привлекая к себе жену, пояснил Глеб. Под рукой он немедленно ощутил выпирающие кости. Интересно, она вообще что-то ест?

– Какая разница, как он распорядился? – фыркнула Ксюша. – Он должен тебе, должен очень многое за все эти годы. Просто вредный старикан даже в последний момент решил напасть.

– Ксюша, ты говоришь о моем умершем отце, – усмехнулся ей в волосы Глеб и покачал головой. Хоть в глубине души он и был согласен с женой, мама научила его блюсти приличия и вести себя в соответствии с обстоятельствами.

– Ну и что? – передернула хрупкими плечиками жена. – Между прочим, эта дурацкая фраза, про «о мертвых либо хорошо, либо ничего» на самом деле звучит как «о мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды». А правда заключается в том, что твой отец был негодяем, но как отец он обязан был подумать о тебе перед уходом.

– Знаешь, – Глеб откинул с лица жены темную прядь и всмотрелся в фарфоровые голубые глаза. Интересно, откуда она знает полную цитату? За годы семейной жизни он никогда не видел у жены в руках ничего кроме глянцевого журнала или мобильного телефона. Впрочем, где-нибудь в глянце и вычитала наверняка, – как оказалось, папа следил за мной все это время. И был уверен, что у меня все хорошо. Он посчитал, что его деньги не принесут мне счастья, раз уж я смог всего добиться сам.

– Вот уж глупости, – фыркнула Ксения, с трудом удерживая голос на уровне шепота, – его дело было завещать, а ты уже сам разберешься со своим счастьем.

– Знаешь, что-то в этом есть. – Чмокнув жену в гладкий лобик, Глеб откинулся на спинку мягкого кожаного кресла. – Одари он меня сейчас миллионами, и я захочу кинуть все то, что создал, и уехать куда-нибудь на Бали, проводить дни в безделье.

– Ты так говоришь, как будто это что-то плохое, – искренне изумилась Ксения, – мы же с тобой обсуждали покупку домика на Сицилии.

– Это было несерьезно, милая, потому что хорошего в таком безделье мало, – покачал головой Глеб. – Пару недель, возможно, месяц, мы с тобой покайфуем, поплаваем, позагораем, поедим свежие фрукты, а потом что? Появится слишком много свободного времени, нам станет скучно, мы начнем раздражаться, ругаться и в итоге станем отчаянно несчастны. Кто-то из нас захочет вернуться, а тут уже ничего нет: дом продан, бизнес закрылся.

Ксения хлопнула глазами, и Глеб понял, что жена его не услышала. В ее картине мира праздное безделье у бассейна было эквивалентом счастья, и на последствия ее мысли не распространялись.

– Надо забрать наследство, – упрямо повторила она.

– Как ты себе это представляешь? – вздохнул Глеб. Сколько бы он ни разглагольствовал о воле отца и своем к ней уважении, в душе он понимал – деньги ему нужны позарез. И чем скорее, тем лучше.

– Вряд ли кассирша отдаст миллионы добровольно. Я бы не отдал, – усмехнулся он.

– А ты ее к этому подтолкни, – нежно, словно фея Динь-Динь, прочирикала Ксения.

– Каким образом? – Глеб уставился в лицо Ксении и даже на секунду замер.

Какая же она красивая. Просто совершенство. Огромные голубые глаза, идеально розовая кожа без единого изъяна. Точеная фигурка в дорогом шелковом халате. Под ним, наверняка, белье Ла Перла. Эту марку жена предпочитала всем остальным и ежемесячно тратила на нее астрономические суммы. Поддержание всей этой красоты обходилось в копеечку, и если он, Глеб, не сможет поддерживать ее жизнь на достойном уровне, Ксения просто найдет другого. Она не из тех женщин, кто будет рядом «и в горе, и в радости». Она трофейная жена, и Глеб отлично это знал, делая ей предложение, и не ждал от нее исхода в Сибирь вслед за ним. Но он любит ее такой, какая она есть. Совершенной. И сделает все, чтобы она не знала о его проблемах.

– Влюби ее в себя, – лучезарно улыбнулась Ксения, а Глеб от неожиданности поперхнулся и закашлялся.

Жена вспорхнула с его колен и принялась заботливо хлопать тоненькой ручкой по широкой спине Глеба.

– В каком смысле? – с трудом поборов приступ кашля, поинтересовался Глеб.

– Милый. – Ксения погладила его по голове и, присев на корточки, заглянула в лицо. Сам же Глеб сосредоточился на кружевном бюстье и его содержимом, кокетливо выглянувшем из кружевного халатика. – Ты же красивый мужчина. В тебя любая влюбится, стоит тебе лишь захотеть. А влюбившись, мы, женщины, способны на глупости, не говоря уже о том, чтобы отдать все тому, кого любим.

– Ксюша, – скривился Глеб. Жена была слишком оторвана от реальности и наивна: из-под крыла состоятельного отца она сразу же перешла к нему – жизни толком не видела.

– Дослушай, милый. – Ксюша взяла его руку и прижала к губам. – Я не надеюсь, что она все возьмет и отпишет тебе, и даже не прошу ради этого гладить ее утюгом, – улыbnулась она, сверкнув жемчужными зубками. Глеб снова поперхнулся, но Ксюша, легко поднявшись, снова умостила на его коленях и, обняв за шею, принялась излагать свой план, над которым размышляла прошедшие несколько дней: – Скажем, она влюбится в тебя, а потом ты заболеешь. Лично я отдала бы на твоё лечение все, что имею, – прошептала Ксюша прямо в ухо мужа, а тот, немного отклонившись, взглянул на нее – жена была предельно серьезна. И без того огромные глаза стали бездонными, как озера.

– Ксюша, ты о чем сейчас говоришь? – бестолково спросил Глеб. Она что, хочет, чтобы он вначале охмурил поломойку, а затем изобразил смертельную болезнь, чтобы раскрутить на деньги недалекую тетку? Впрочем, в словах жены был некий резон. Небольшой обман, который может одним махом решить все его проблемы и вернуть привычную жизнь. А почему бы, собственно, и нет? Чем он рискует? Тем более жена дает «добро». Последнее внезапно обеспокоило Глеба: ей что, настолько плевать на него?

– Милый, это просто идея, – залепетала Ксюша, прижимаясь к нему теплым телом, словно прочитав его мысли. – Просто это твой отец, и он тебе должен. Ведь он и так кинул тебя на произвол судьбы и лишил нормальной жизни. А тетке этой подарим картину, на память. Репин, знаешь ли, тоже совсем неплох.

Ксения поцеловала Глеба, и тот попытался заглушить голос совести. В конце концов, он не собирается никого убивать или грабить – он лишь попробует получить то, что и так ему причитается. Деньги ведь никогда этой Марине не принадлежали и не должны были принадлежать. Знай его отец истинное положение вещей, он бы никогда не отдал их незнакомке. В этом Глеб был уверен. Так что это даже не обман, а просто возвращение своего.

Звонок Глеба застал Марину врасплох. Она только что закончила вторую тренировку в студии и переодевалась, сидя поодаль от остальных, все еще не решаясь заговорить первой со стайкой воздушных красавиц, щебетавших в своей тесной компании и лишь искоса поглядывавших на пришлую гостью.

Тело с радостью откликнулось на нагрузку, и с тайной гордостью Марина отметила, что фигурой ничуть не уступает тем, кто тратит огромные деньги и истязает себя спортом в ежедневной борьбе за стройность. Балетное прошлое дало ей массу преимуществ: стройные ноги, сухощавое подтянутое тело, проработанные мышцы, которые благодаря ее тяжелому материальному положению не покрылись слоем жира от деликатесов и нездоровой пищи. Только с сигаретами пришлось расстаться: дыхание было ни к черту, да и в кругу ее новых знакомых никто не курил – берегли цвет лица.

Влезая в новенькие узкие джинсы, все-таки купленные в том бутике, в который ей было страшно зайти еще две недели назад, Марина не глядя ответила на звонок, будучи уверенной, что услышит или Валентину, или Татьяну.

– Марина? – неуверенно поинтересовался приятный баритон, а Марина, чувствуя на себя взгляды разнокалиберных фей и нимф, легкомысленно прощелкала в ответ:

– Да, это я.

– Это Глеб беспокоит, – сообщил баритон.

– Какой Глеб? – не сразу сообразила она, натягивая свитер.

– Глеб Петрович.

Марина так и замерла, нелепо выглядя со свитером на голове, из-под которого ей удалось лишь пафосно пробурчать:

– Что вам угодно?

– Простите, плохо слышно, – не понял ее бормотаний Глеб.

– Я спрашиваю, что вам угодно, – выкрикнула Марина, натягивая свитер и оказываясь под перекрестным обстрелом любопытных глаз.

– Я хотел бы пригласить вас на ужин, – вкрадчиво начал Глеб, но Марина его тут же перебила:

– Мне некогда. – И собралась было дать отбой, как из трубки понеслось:

– Послушайте, Марина, я хочу обсудить с вами памятник отцу. Я знаю, что ему бы это пришлось по душе. Да и вы высказывали интерес.

Мерзавцу удалось подыскать правильный код. Марина замерла, на секунду перестав обращать внимание на сверлящих ее глазами девиц.

– Памятник? – растерялась она. – Но ведь рано еще, через год ставят.

– Да, Марина, я в курсе, но я сам заказал макет известному скульптору, и он предложил мне несколько вариантов. Это последнее, что я, к сожалению, могу сделать для папы. – Глеб подпустил в голос светлой грусти, а Марина смутилась, окончательно стоя в наполовину надетом свитере. Она присела на лавочку и неловко сжалась, стараясь уменьшиться в размерах и прикрыть обычный хлопчатобумажный лифчик, который еще не успела сменить на дорогое белье, как у щеголявших шелком и кружевами девиц в раздевалке. – Так вот, мне бы хотелось, чтобы вы одобрили его, – просительным тоном закончил Глеб.

– Хорошо, хорошо, – быстро забормотала Марина.

– Вот и славно, – обрадовался Глеб. – Тогда я заеду за вами сегодня вечером, и мы где-нибудь поужинаем.

– Вместе с Ксенией? – закашлявшись, уточнила Марина.

– Нет, только мы с вами. Ксения не имеет никакого отношения к моему отцу, – решительно отрезал Глеб. – Сбросьте, пожалуйста, мне адрес.

– Улица... – начала было Марина и смутилась окончательно.

Месяц тому назад они с Кирой переехали в одну из квартир, оставленных ей Петром Никаноровичем. Ту, в которой он когда-то жил с женой. Квартира располагалась в небольшом особнячке дореволюционной постройки, каким-то чудом сумевшем сохранить все прелести старинной архитектуры: богатое парадное, высокие потолки, лепнину и даже изразцовую печь – жемчужину их квартиры. Квартира сама по себе была произведением искусства. Марина еще не успела изучить и десятую часть всех ее сокровищ и пока еще стеснялась приглашать туда гостей. Она чувствовала себя самозванкой и каждый день ей казалось, что придет настоящий владелец и выгонит ее оттуда.

Ей даже было странно и немного неудобно диктовать адрес Глебу, ведь, судя по фотографиям на полках и в фотоальбомах, которые Марина с интересом пролистнула, именно в этой квартире прошло детство Глеба.

– Сегодня я не могу, завтра. Я сброшу адрес, – скомкано пообещала она и закончила разговор. Наспех попрощавшись с Глебом Петровичем, она отправила ему адрес. В ответ Глеб прислал смайлик.

Быстро собрав вещи и выскользнув из клуба, Марина заторопилась было к магазинам, чтобы присмотреть себе новое платье для завтрашнего ужина, но, почти достигнув цели, остановилась – ну вот еще! Зачем ей наряжаться для этого мерзавца? Он же ей совсем не интере-

сен. Скорее наоборот, просто омерзителен. Не будет она ради него предпринимать никаких усилий. И ужинать с ним тоже не будет, еще чего! Просто выпьет кофе, посмотрит макеты памятников (отказываться нельзя из уважения к покойному) и пойдет домой, проведет вечер с дочерью. Та как раз завтра вечером возвращается из заморского лагеря.

При мысли о Кире на душе стало радостно. Вчера они созванивались, и в голосе дочери звучал такой неприкрытый восторг, какого Марина не слышала с тех времен, когда Кира была совсем крошкой. Когда ей исполнилось три года, они с Антоном купили недорогие воздушные шары и, пока дочь спала, надули их и украсили комнату. А в качестве подарка Марина испекла свой фирменный Наполеон и украсила его симпатичной свечкой. Проснувшись, Кира пришла в такой восторг, что целый день хлопала в ладоши и смеялась.

Вот и теперь таким же звенящим от счастья голосом дочь захлеб поведала ей, что подружилась с девочками из Дании, Португалии и Омана, живущими с ней в одной комнате. Они пытаются общаться между собой на английском – не всегда хорошо получается, но подружиться все равно удалось. Да и английский у нее значительно улучшился. Они по очереди слушают любимую музыку друг друга, танцуют, обменивались контактами в социальных сетях, а одна из них, датчанка, уже успела влюбиться в подающего большие надежды юниора.

При упоминании о влюбленности Марина слегка нахмурилась: первые чувства были сейчас некстати – на кону важные турниры. И тут же одернула себя: ее дочь – живой человек, а не машина по зарабатыванию медалей. Когда влюбляться, как не сейчас? Но Кира, не заметив повиснувшей паузы, продолжала восторженно щебетать: вчера у них был выходной, и их повезли в Монако, они даже были возле княжеского дворца. Нет, самого князя не видели, но там и без него было неплохо. А вечером они устроили игры в бассейне. И на ужин было небольшое отступление от режима – кусок торта. И еще она, кажется, видела саму Серену Уильямс. Но она не уверена – будет сегодня еще выглядывать.

Незамутненная радость дочери наполнила и саму Марину ликованием. Как же все здорово складывается! Годы в нищете закалили ее девочку, никакие деньги уже не смогут ее испортить. Финансы просто дадут ей возможность взять максимум того, что способна предложить современная спортивная индустрия, и поднять Киру на самую вершину.

Завтра дочь возвращается, и надо ее достойно встретить. Приготовить что-нибудь из того, что она любит. Как это ни странно, но дочь обожала оливье, который у них в доме готовили лишь раз в год – на новогодние праздники. И когда Марина спросила, чего бы Кире хотелось по приезду, та традиционно попросила приготовить ей салат. Чем Марина сегодня и займется: подготовит все ингредиенты, мелко нарежет, а завтра уже добавит огурцы с горошком и заправит. Может быть, еще и ватрушки напечь? А что, отличная мысль! Кира их обожает.

Вечер Марина провела в приятных хлопотах, готовясь к возвращению дочери и время от времени мыслями возвращаясь к Глебу. Да, она не будет наряжаться на этот ужин, но ведь все равно надо прилично выглядеть. Они же не кофе с беляшами возле метро будут есть, в конце концов. К тому же Глебу нужно продемонстрировать, что она не просто везучая Золушка – она тоже кое-что из себя представляет.

Остановив выбор на черном брючном костюме и кружевном топе, который продавщица уговорила ее купить за несусветные деньги, Марина решила сходить завтра в салон на укладку. До недавнего времени она и не подозревала, что многие женщины ходят в парикмахерскую, просто чтобы помыть голову и красиво уложить волосы. Ей казалось, что такое событие возможно лишь на праздники – дни рождения, свадьбы, юбилеи. Но ее новые подруги постоянно щебетали о салонах красоты и мерялись парикмахерами, из чего Марина сделала вывод, что дома они только принимают душ, а все остальное отдано в руки профессионалов. Были даже те, кто каждое утро ездил в салон на макияж.

Вначале это поставило ее в тупик: неужели так сложно вымыть волосы дома и уложить их феном? Не говоря уже о том, чтобы самой накраситься. Но затем она начала видеть в этом

рациональное зерно. Если у тебя столько денег, что ты не знаешь, куда их девать, почему бы и не укладывать волосы в салоне и не делать там же макияж? Все равно профессионал сделает это лучше, чем ты сама. Надо будет обязательно обсудить это с Валентиной.

Не успела Марина додумать фразу, как в дверь позвонили. Марина бросила взгляд на часы – начало девятого. Интересно, кто это? Валя бы позвонила, прежде чем приехать. Возможно, соседи?

Наспех вытерев руки стареньким кухонным полотенцем (одна из немногочисленных вещей, которую Марина взяла с собой в новую жизнь, ежедневно обещая купить себе новое, более подходящее к этой помпезной кухне из мореного дуба), она поспешила в коридор.

Хотела было открыть дверь не глядя, но затем одернула себя: это не ее двушка, где ветер гулял и куда постоянно кто-нибудь вваливался без приглашения. В таком месте нужно обязательно смотреть на гостей, прежде чем впустить их в дом.

За дверью маялась Танька. Марина удивилась, увидев подругу, и тут же загрохотала замками, пытаясь вспомнить, давала ли она Татьяне свой адрес.

– Танюша, – начала она, распахивая двери, а Татьяна, немного бесцеремонно отодвинула ее в сторону и ужом скользнула в прихожую, словно опасаясь, что Марина может передумать и выставить ее вон.

– Привет, а я тебя сегодня в центре видела, еще думаю ты или не ты, совсем не узнала тебя, подруга, богатой будешь. Впрочем, ты и так богатая, – делано-весело зашебетала Танька и полезла к Марине с поцелуями. Та почувствовала легкий запах алкоголя и пристально посмотрела на нее. Так и есть – Татьяна выпила.

– Что-то случилось? – нахмурилась Марина, позабыв об открытой двери.

– Мы так и будем тут разговаривать, или, может, на кухню хотя бы вступишь? – уперев руку в бок, с вызовом поинтересовалась Татьяна.

– Да, конечно, проходи, – растерялась Марина и, отойдя в сторону, махнула рукой куда-то в длинный коридор, в конце которого находилась кухня.

– Ну ни фигя себе, – присвистнула Татьяна и прошла, не снимая обуви, в кишкообразное помещение, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Коридор был длинным и каким-то бесконечным. По обе стороны многочисленные тяжелые дубовые двери вели в разные комнаты: гостиная, хозяйская спальня, две детские (интересно, зачем? Ведь у покойных супругов был всего один сын), кабинет, гостевые и комната с роялем. Марина даже придумать не могла, на какие нужды ей придется выделять все эти восемь комнат. Возможно, когда все утрясется, она будет приглашать подруг с ночевкой и сможет выделить им собственную комнату вместо хлипкого диванчика на кухне. Да и Кирочка подрастет – у нее появятся друзья, молодой человек. Они будут приводить компании, и Марина будет всех размещать со вкусом и комфортом.

Марина так погрузилась в мечты о счастливой будущем, что впервые не заметила ни давящей темноты коридора, увешанного портретами незнакомых ей людей, ни завистливый взгляд Татьяны, скользящий по картинам, дубовым дверям и тяжелым панелям, которыми на манер загородного дома был обшит коридор. Острый взгляд Татьяны отметил все, что до сих пор не успела заметить Марина: хрустальные люстры и бра, вовсе не чешские, некогда остро-модные, из-за которых Танина мать однажды заставила всю семью голодать целый месяц, потому что взяла в долг, чтобы купить вожаделенный предмет интерьера. Нет, этот хрусталь был намного старше и явно попал в квартиру из очень дорогих и старинных интерьеров. Татьяна и сама не смогла бы объяснить, как она это поняла, ведь в антиквариате она не разбиралась. Наверное, просто почувствовала. Как чувствует обыватель, стоит ему набрести на настоящий шедевр. Это и тонкость огранки, и преломление света, и мягкая позолота, уже успевшая покрыться легкой патиной. Одна такая люстра наверняка стоит больше, чем Татьяна зарабатывает за год.

Зайдя на кухню, Татьяна не сдержалась и охнула. Кухня была огромной. Наверное, как половина ее квартиры. Одну стену занимали окна, впускающие в просторное помещение потоки лунного света с легкими танцующими в них пылинками. За ними шуршали гигантские деревья, создавая густую тень и охраняя сокровищницу от обывательских взглядов. Если закрыть глаза и прислушаться, то создается впечатление, что ты находишься где-нибудь в Провансе. Почему Татьяна, никогда не бывавшая нигде дальше Турции и Египта, так решила, она и сама не могла сказать, лишь присвистнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.